

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Хрестоматия. Ч.1. Политико-правовая мысль Древнего мира

Рекомендовано методической комиссией
института экономики и предпринимательства
для студентов ННГУ, обучающихся
по направлениям подготовки
40.03.01. «Юриспруденция»

Нижегород
2022

УДК: 340.1(075)

ББК: 66.1я73

ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ. Хрестоматия. Ч.1. Политико-правовая мысль Древнего мира.

Составитель: Будцын И.В. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2022. – 116 с.

Рецензенты:

Заведующий кафедрой культуры и психологии предпринимательства ИЭП ННГУ им. Н.И. Лобачевского, д.ф.н., профессор **Ермаков С.А.**,

Доцент кафедры теории и истории права, государства и судебной власти ПФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», к.и.н., доцент **Рязанов П.А.**

Хрестоматия подготовлена с учетом требований Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», предназначена для изучения одной из актуальных юридических дисциплин - «История правовых и политических учений».

Хрестоматия включает тесты древних авторов по вопросам государства и права. Материалы сгруппированы по шести темам, объединённым в три раздела. Они помогут студентам в углублённом освоении политико-правовых идей древнего мира – периода зарождения теоретических представлений об обществе, государстве и праве, будут полезны при подготовке к семинарам и выполнении письменных заданий.

Издание предназначено для студентов ННГУ, обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция».

Ответственный за выпуск:
председатель методической комиссии ИЭП ННГУ,
к.э.н., доцент **Макарова С.Д.**

УДК:340.1(075)

ББК: 66.1я73

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Раздел 1. Политико-правовая мысль древнего Египта и Вавилона	
<i>Древний Египет</i>	
1. Поучение Гераклеопольского царя своему сыну Мерикара.....	6
2. Речения Ипусера.....	16
<i>Древний Вавилон</i>	
1. Законы Хаммурапи.....	29
Раздел 2. Политико-правовая мысль древней Индии и Китая	
<i>Древняя Индия</i>	
1. Законы Ману.....	36
<i>Древний Китай</i>	
1. Лаоцзы. Писания о нравственности.....	41
2. Конфуций. Луньей.....	45
3. Шан Ян. Книга правителя области Шан.....	51
Раздел 3. Политико-правовая мысль классической античности	
<i>Древняя Греция</i>	
1. Платон. О государстве.....	65
2. Аристотель. Никомахова этика.....	78
3. Аристотель. Политика.....	80
<i>Древний Рим</i>	
1. Цицерон. О законах.....	101
2. Цицерон. О государстве.....	104
3. Полибий. Всеобщая история в сорока книгах.....	110

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая хрестоматия предназначена для использования в качестве учебного пособия по истории правовых и политических учений студентами ИЭП, обучающимися по направлению 40.03.01 «Юриспруденция». Её целью является дать студентам возможность ознакомиться с наиболее значимыми образцами политико-правовой мысли древнего мира, рекомендованными при изучении курса истории правовых и политических учений не в интерпретации другими авторами, а практически по первоисточникам. Хрестоматия будет способствовать совершенствованию учебного процесса, поскольку расширяет познавательные возможности студентов при подготовке их к семинарским занятиям, выполнению контрольных заданий и промежуточной аттестации.

Хрестоматия является дополнением к учебным материалам, размещённым в системе e-learning, к материалам лекций, а также материалам, которые студенты могут найти в библиотечном ресурсе и на «просторах интернета». Она позволит более углублённо подойти к изучению предмета, который сам по себе является достаточно сложным для восприятия студентами первого курса, особенно теми, кто обучается по очно-заочной и заочной формам. Это очень важно для преодоления упрощённого, поверхностного подхода как к истории правовых и политических учений, так и к развитию юридической теории вообще. Краткие цитаты, приводимые в учебниках, не дают полного, а зачастую, и объективного представления о той или иной теории или концепции. Иногда, будучи вырванными из общего контекста, цитаты используются неуместно и не корректно. Хрестоматия позволит студентам самостоятельно проанализировать взгляды древних авторов, выработать свою собственную точку зрения по изучаемым концепциям.

Изучение взглядов мыслителей и правителей древности будет способствовать фундаментальной подготовке будущих специалистов в области государства и права, что особенно важно в современных условиях. Многие идеи, несмотря на их почтенный возраст, выдержали проверку временем и до сих пор используются как в современной теории государства и права, так и в практике государственного строительства.

Кроме того она позволит более предметно подойти к написанию письменной работы (эссе) по выбранной теме. Надеюсь, что это вместе

взятое положительно скажется на освоении студентами курса «История правовых и политических учений».

Хрестоматия структурно состоит из трёх разделов, охватывающих основные хронологические периоды и географические регионы развития политико-правового сознания древнего мира: 1. Ближний Восток, представленный древним Египтом и Вавилоном; 2. Древнюю Индию и Китай; 3. Древнюю Грецию и Рим. В них представлены сочинения древних философов, правителей, законодателей, раскрывающие их представления об обществе, государстве и праве. Некоторые тексты представляют собой законодательные акты (законы Хаммурапи, законы Ману), некоторые являются сочинениями известных философов и историков древности (Конфуций, Лаоцзы, Платон, Аристотель), некоторые представляют собой рассуждения правителей и чиновников о том, как следует и как не следует управлять государством (Поучение Гераклеопольского царя, Речения Ипусера, сочинение Шан Яна).

Наконец, изучая взгляды мыслителей древности, анализируя и сравнивая их идеи, студенты вырабатывают навыки критического мышления, аналитического подхода к фактам, как далёкого прошлого, так и современной действительности, что, несомненно, важно не только для подготовки специалиста, но и для формирования патриотической гражданской позиции выпускников университета.

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА И ВАВИЛОНА

Древний Египет

Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара

“Поучение” составлено в XXI в. до н.э. в период правления Гераклеопольского царского дома (IX–X династии). Текст известен по трем иератическим папирусам середины Нового царства. Наиболее сохранный из них находится в Государственном Эрмитаже, г. Санкт-Петербург.

Перевод сделан по изданию: *Golenischeff W. Les papyrus hieratiques nos. 1115, 1116 A et 1116 B de l'Ermitage imperiale a St. Petersburg. Kairo, 1913*; с учетом синоптической иероглифической транскрипции: *Quack J.F. Studien zur Lehre fur Merikare. Wiesbaden, 1992. S. 164–200*. Перевод и комментарии *Демидчика А.Е.*

[Начало поучения, составленного царем...]¹ для своего сына Мерикара [...]. Не будь снисходителен к делу, за которое должно схватить [...], следует тебе наказывать [...] за любую речь, ибо это начало [мятежа...] случилось. Умножающий строптивых сердцем [...] многочисленные пред тобой, когда ты сбился с пути [...]. Тебе следует убивать [...] ты знаешь его сторонников, любящих его. Если ты обнаружишь, что он – [главный] в селении или владыка (многочисленного) рода, назначь ему (работу) для себя, тогда не [...] многочисленные. Не разорь человека, исполняющего предписания [...].

[...] стерегущих для нас заключенных; пройдет месяц [...] он свое тело, и он скажет, что он обдумал, и он опомнится; “буду-ка я здоров телом на земле” [...] будь милостив к нему, когда твое сердце удовлетворено, а все люди будут говорить: “это его второе рождение”. [...]

[...] Если ты обнаружишь его в качестве человека, чьи домочадцы не [...], но знают его горожане, и его сторонники в совокупности многочисленны [...] завоевывающий сердца [...] привлекателен он в глазах собственных людей [...]. Говорун – это подстрекатель; расправься с ним, убей его детей, изгладь его имя, [уничтожь] его домочадцев, изгни память о нем и его сторонников, любящих его.

Злопыхатель – это распря в городе, он заводит две (враждующие) стороны среди юношей. Если также ты обнаружишь одного из горожан [...], обвини его перед свитой и расправься с ним, он также бунтовщик; говорун – это подстрекатель для города. Согни молодежь², выпусти из нее пыл, [...] пусть будет изгнан бунтовщик-переселенец³, подстрекаемый к бунту своим отцом.

Неимуший сеет распрю в войске [...]. Положи этому конец, (выдавая) предназначенное ему пропитание, а когда свирепеет молодежь, давай (продукты) для кухонь [...]. Будь милостив [...], когда ты караешь, [...люди] в ликовании. Заслужи благословенье⁴ у бога; да скажут люди даже в твое отсутствие, что караешь ты лишь сообразно провинности. Добрый нрав – это небо человека⁵, но тягостно поношение озлобленного сердцем.

Будь искусным в речах, и ты будешь силен; мощь царя – в его языке, речь сильнее любого оружия. С умудренным хитрить не решаются [...] на циновке; мудрый – это [оплот] для вельмож. Не нападают на него знающие, что он (многое) знает, не заводится вблизи него [измена]; преподносится ему правда столь же доподлинная, как (истины), высказанные предками⁶.

Уподобляйся своим отцам и своим предкам, [...] смотри, их речи сохранны в (древних) письменах. Разворачивай (папирусные свитки), чтобы ты мог их читать и поступать сообразно знанию; лишь из того, кто обучен, выходит искусный (правитель). Не будь злым, прекрасна доброжелательность, продлевающая долголетие твоих памятников⁷ (людской) любовью к тебе. Умножай число [...], присоединенных к городу, чтобы славили бога за (пищевые) выдачи, присылаемые для твоего [имени]⁸; славословия о твоей доброте – это просьба к богам о здравии твоём.

Почитай твоих вельмож, даруй благополучие твоим людям; укрепляй (тем самым) свою границу и (людское) расположение к тебе; хорошо творить для грядущего. Почитают жизнь прозорливого, самоуверенность же обернется страданиями; побуждай своим добрым нравом, чтобы вступались [за тебя]! Жалок (правитель), желающий себе владеть (всем в) стране [...]; алчный, когда владеют другие, – это безрассудный. На земле (скоротечно) проходит [жизнь], нет ей продленья, но (добрая)

память на ней – это (вечная) юность⁹. Не подобает владыке *Обеих Земель* владеть тем, что принадлежит миллионам людей; бывает ли [...], живущий вечно? Приходящий же в руки [*Осириса*]¹⁰ отбивает (с земли), подобно утратившему все, чем он наслаждался.

Обогащай твоих вельмож, и они будут исполнять твои законы. Богатый собственным домохозяйством не бывает пристрастным, владыка имущества не бывает нечестным. Неимущий¹¹ же не может говорить как подобает; говорящий “о, если бы мне (иметь)” не бывает прямым, ибо он пристрастен к владеющему его мздой. Велик великий, чьи великие велики; царь, обладающий свитой, – это победоносный, (истинно) знатный – это богатый своими вельможами. Говори *маат* в собственных владениях, и будут благоговеть пред тобой вельможи, которые ведают страной¹²; когда о божественном владыке свидетельствует праведность сердца, ведомства дворца внушают благоговение окрестностям¹³.

Твори *маат*, и ты будешь долго пребывать на земле. Утешь стенающего, не притесняй вдову, не прогоняй сына от имущества его отца и не смещай вельмож с их постов. Остерегайся карать опрометчиво! Не убивай – нет тебе в этом пользы, наказывай побоями и заключением; благодаря этому будет заселяться эта страна; исключение лишь для бунтовщика, чей замысел раскрыт. Бог знает строптивцев, но бог карает и за (напрасную) кровь; милосердный [продлевает] время (своей жизни). Не убивай человека, чьи достоинства ты узнал, еще когда ты читал вместе с ним нараспев письма!¹⁴ Прочти [в (книге) “Испытание” о допущенном] к богу и вольно ступающем по сокровенным местам (загробного мира): Ба¹⁵ (всегда) приходит в ведомое ему место, он не сбивается со своего привычного пути; никакие заклинания не могут обратить его вспять, и он достигает дарующих ему воду.

Управа (богов), вершащих суд над обездоленным. – известно тебе, что они не бывают снисходительны в день суда над неимущим¹⁶, в час исполнения грамоты (на заупокойное имущество). Тяжко, когда обвинитель – мудрец; не уповай на давность лет, они видят время (жизни), точно один час; [человек] остается (жив) после смерти, лишь когда помещены возле него его (добрые) дела в качестве припасов. Пребывание там – это вечность, а совершающий прорицаемое ими – это глупец; что же до снискавшего это без совершения греха, он будет существовать там, подобно богу, вольно шагая, подобно владыкам вечности.

Призывай на службу твоих юнцов, и полюбит тебя столица. Умножай своих сторонников из числа юношей призывного возраста; смотри, твои города полны новым подкреплением. Вот уже 20 лет, как юноши наслаждаются, следуя лишь своим желаниям; выходит (из детства) один призывной возраст за другим, но и в (возрасте) воина новобранец занят собой [...]; сражающиеся за нас – старичье, из (рядов) которого я набирал (воинов) еще при моей коронации. Обогащай твоих вельмож, возвышай [...], умножай юных воинов твоей стражи, снабженных списками (работников), пожалованных пашнями, награжденных скотом.

Не делай различия между сыном (знатного) мужа и простолюдином; приближай к себе человека за дела его рук, и будет исполняться всякое ремесло [...] для (царственного) владыки мощи. Защищай свою границу, возводи свои памятники – (всюду) полезно (рабочее) соединение своему владыке. Создавай памятники [...] для бога, этим обеспечивается жизнь имени поступающего так, ибо будут совершать полезное и для его Ба – ежемесячную жреческую службу: надевание белых сандалий, восшествие в храм, вскрытие потаенного, проникновение в заветный (покой), трапезу с хлебом в доме бога¹⁷.

Освежай жертвенные возлияния, увеличивай (жертвенные) поступления, давай с избытком сверх установленного, это полезное (дело) для поступающего так. Укрепляй свои памятники, сообразно своему могуществу: и один день вносит (лепту) в вечность, и один час украшает грядущее. Бог знает о том, кто творит для него; твои статуи будут доставлены даже в далекую страну, откуда (нынче) не дают полных списков (дани). Когда же иссякает (заупокойное) имущество нечестивца – (это) мучительно, и не бывает покойно нечестивцу даже внутри Египта.

Станет (одно) поколение теснить (другое) поколение, как и предсказывали на сей счет предки; будет биться Египет на кладбище, разрушая гробницы многократным разрушением¹⁸. (Ведь как) сделал я, так случится (со мной) сообразно сделанному; благодаря деснице божьей не преминет исполниться подобное (содеянному). Не поступай дурно с южными [предками]¹⁹, тебе известно предсказанное столице об этом; так и случилось с ней, [как] это случается, не преминуло (случиться) для них сообразно тому, как они говорят [...] Я благоволю *Тину* честному²⁰, южная граница которого до [...], я унаследовал его запустевшим, ибо не так поступал правогласный [царь *Мершобра*]²¹. Будь по-

этому милостив к тому, что должно обустроить, удовлетвори его нужды, возобнови опечатанные (жертвенные припасы); не бывает благочестия, затаившегося (в бездействии); хорошо творить для грядущего.

Хорошо тебе с южной стороной²², когда приходят к тебе с приношениями носильщики сельских податей. Но я поступал подобно предкам, когда не было у нее ячменя, чтобы она его отдавала. Будь и ты благодушен к их бессилию (уплатить) тебе, насыщайся своим хлебом да своим пивом, ведь без задержки прибывает к тебе гранит. Не разрушай чужой памятник, ты можешь выламывать камень в Ра-ау²³; не строй свою гробницу из обломков (некогда) сделанного, чтобы сделать это (заново для себя). Смотри, царь – владыка радости, [...] ты должен поступать образцово, ты должен созидать своей (собственной) мышцей. Пусть последует твое сердце за сделанным мной, и не будет нечестивца в пределах твоей границы.

Я встал (на место) владыки в городе, сердце которого было сокрушено из-за Низовья, от Хут-шену до Семеб-ка, с южной границей до Канала двух рыб²⁴. Но я усмирил весь запад вплоть до приморских дюн: они поставляют ему, а он дает кедры (нам)²⁵; попадается можжевельник – они дают его нам. Восток богат (азиатами-) лучниками, чьи подати [...]; возвращают Срединный остров²⁶ и каждого человека в его пределах; говорят мне хозяйственные ведомства: “Ну и велик же ты!”

Смотри, разрушенная ими (азиатами) страна (вновь) обустроена в виде номов, и каждый большой город [...] власть одного в руках 10 человек. Назначены чиновники, приставленные к податям (работников, занесенных в) списки, и ко всяческим повинностям; жрецы, приставленные к пахотным наделам, дают тебе поставки, как единое соединение, и значит, не случится меж них строптивцев²⁷. Не будет худо тебе, даже когда не придет наводнение, ведь у тебя в руках подати Низовья. Смотри, вбит пограничный столб в округе, устроенном мной на востоке от Хебену до Пути Хора, заселенном городами, наполненным отборными людьми всей страны, чтобы отражать с их помощью нападение²⁸. Увидеть бы мне доблестного, который превзойдет это, когда сделает сверх сделанного мной; [беда] с жалким наследником!

Но сказано о лучниках еще и так: воистину, мерзкий азиат – это (воплощение) тягот места, в котором он пребывает, страдая от того, что

вода труднодоступна, а деревья многочисленны. Пути там тягостны из-за гор, но он не сидит на одном месте; (нужда в) пропитании влечет его ноги прочь. Он сражается со времени *Хора*²⁹, но и он не побеждает, и его не побеждают; он не объявляет день сражения, точно вор, отгоняемый стражей.

Но (столь же истинно, как) я живу и существую, эти лучники были (неудержимы), как секира в отворенной крепости, когда я (начинал) их теснить. Но я повелел, чтобы избивало их Низовье, я захватывал их домочадцев, я отнимал их скот, так что стали питать азиаты отвращение к Египту. Не переживай из-за него! Азиат – это крокодил на отмели: он может цапнуть на прибрежной тропе, но не поживиться ему в окрестностях многолюдного города.

Поделена (на земельные участки) Меденит³⁰ до своего (столичного) округа, орошена ее сторона напротив *Горьких озер* – смотри, это пуповина чужеземцев³¹! Ее стены готовы к битвам, ее войска многочисленны, в ней наши сторонники, умеющие владеть оружием³²; сверх того жрецы, что внутри округа Джед-исут. Она насчитывает полных 10.000 человек, молодцев-жрецов, свободных от податей; а чиновники в ней со времени столицы. Укреплены границы, доблестны крепостные гарнизоны, многочисленные северяне орошают ее до Низовья, платя подати ячменем на правах жрецов...; смотри, это дверь Низовья. Они создали дамбу в сторону *Гераклеополя*, а города [с его молодежью] – это верные сердцем. Остерегайся стать пособником нечестивцу, остерегающиеся молоды годами.

Когда задирается твоя граница с южной стороной, это значит, (нападут и азиатские) лучники, и придется взяться за боевое снаряжение. (Лучше) строй хозяйства в Низовье; имя человека нетленно благодаря его свершениям, а поселение, раз уж основано, не запустеет. Строй хозяйства для своего культа³³! Нечестивец хочет, чтобы сокрушалось сердце, и плохо его дело. Предназначил (ему) в назидание правогласный (царь) Ахтой³⁴: (даже) смиренный станет наглым, когда разоряются жертвенники. Ополчится бог на вредящего храмам, будут обходиться с ним подобно тому, как делает это он, и быть ему сытым тем, что ему предназначено, – западней против него; не приносят (ему дары) в благодарность за [его] воду в тот день прибытия (в загробный мир). Богато снабжай жертвенники, чти бога, не говори, что сердцем слаб, не опус-

кай свои руки, и будет свершаться на радость тебе. (Нечестивость –) это разрушение неба, а столетие памятников – это [благополучие]. Если бы знал это нечестивец, он не нарушал бы этот (обычай), желая, чтобы другой, приходящий вслед за ним, заботился о том, что создал он. Без нечестивцев не обойдется, но [владыка] Обоих берегов – это сведущий; не бывает невежественным царь-владыка свиты, он мудр уже при своем выхождении из (родительской) утробы, и пред миллионами людей возвышает его бог.

Царская власть – это прекрасная служба, хоть нет у нее ни сына, ни брата. Прибавляется к памятникам ее одним (царем), о котором заботится другой; человек творит для своего предшественника, желая, чтобы другой, приходящий вслед за ним, заботился о том, что создал он. Смотри, мерзкое дело свершилось в бытность мою, когда разламывали кладбищенские дворики *Тина*. Но превратилось это в (заново) созданное мной; я узнал об этом, после того как сделали, и смотри – первейшая надобность, исполненная мной. Разрушение – это мерзость; нет никого, кому было бы полезно укреплять (для себя) то, что он разорил, оснащать (для себя) то, что он исковеркал. Остерегайся этого! За удар воздается ударом³⁵; все, что должно исполнить, – (наш) непреременный удел.

После того как скрыл себя бог, знающий образец, среди людей одно поколение уподобляется другому, и нет способных отразить божью десницу, ведь уязвимое – это видимое для глаз. Пусть будет чтим бог на своем пути, сделанный из камня, рожденный из меди³⁶! Хороша канава потоком, и нет реки, затаившейся (в бездействии), она высвобождается из запруды, скрывающей ее в себе; тогда Ба приходит в ведомое ему место и не сбивается со своего привычного пути. Укрась твое подворье на Западе³⁷, оснасти твое место кладбищенское праведностью и свершением *маат*; она – то, на что опираются их (людей) сердца, а лепешка праведного сердцем принимается (богом охотнее), чем (жертвенный) бык злодея. Твори для бога и он сделает для тебя то же дарами, освежающими жертвенники и резьбой (по камню); это значит, будут приглашать (к жертвенным яствам) и твое имя. Бог умеет заботиться о творящем для него.

Обихожены люди, паства бога. Ради них он создал небо и землю, когда изгнал жадность вод³⁸; чтобы жили их [носы], он создал воздух; они –

его образы во плоти³⁹. Ради них он восходит в небо, и он создал для них травы, скот, птиц и рыб, чтобы этим кормились. Он убивал своих противников, он вредил своим детям (лишь в наказание) за их умысел устроить бунт. Ради них он творит дневной свет, и он движется (по небу), чтобы их видеть; возле них он воздвиг себе часовню, и когда они стенают, он слышит. Для них он создал из благоухания правителя бальзамировщиков, покровителя, чтобы поддерживать спину немощного⁴⁰. Для них он создал заклинания, чтобы отражать десницу бедствий, из-за которых бодрствуют ночью и днем. Он убивал меж ними строптивых сердцем, как отец бьет своего сына ради его брата. Но бог знает каждое имя.

Не причиняй каких-либо страданий (людям) вопреки моей речи, дающей все узаконения относительно царя и вразумляющей, чтобы ты мог управлять в качестве зрелого мужа; да достигнешь ты меня, не имея себе обвинителей. Не убивай ни единого приближенного к тебе, ибо ниспослал его тебе бог, знающий его, и даже один из них – это процветание на земле; сопровождающие царя – это боги. Внуши любовь к себе всей стране; (добрый) нрав – это добрая память, когда минут годы (жизни). Пусть будет сказано о тебе с мольбой теми, кто в конце (царского) дома Ахтоя⁴¹: “сокрушивший время страдания”, “пришел бы такой и сегодня!” Смотри, я сказал тебе полезное из того, что в моей душе, чтобы ты поступал сообразно установленному пред тобой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Текст начальных разделов “Поучения” сильно разрушен. Имя царя-автора пока неизвестно.

² Букв.: “множество”; термин обозначал лиц, уже вышедших из детского возраста, но еще не назначенных на государственную службу или работы в номах. Лунная социальная группа считалась склонной к участию в массовых беспорядках, а потому нуждающейся в надзоре со стороны властей и вместе с тем – в благотворительности.

³ Имеются в виду лица, административным путем (т. е. с ведома и по распоряжению властей) переселявшиеся из одной области в другую. Обычно “излишнее” население номов, страдавших от войн и неурожаев, направлялось на работы в более благополучные районы. Основную массу переселенцев составляла молодежь, разлученная таким образом с родителями и обреченная на чужбине на тяжелую низкооплачиваемую работу.

⁴ Букв.: “сделай правильным твое возгласие (жертвенных яств)”.

⁵ Здесь и далее “небо” упоминается как символ вечного благополучия.

⁶ Букв.: “приходит к нему правда, будучи отжата по образцу сказанного предками”.

⁷ Слово, переводимое как “памятник”, обозначало долговременные установления культового характера: заупокойные сооружения, святилища, а также источники культовых поступлений и сами эти поступления. Снискав любовь подданных, Мерикура тем самым побудит их вечно поддерживать его культ.

⁸ Речь, видимо, идет о жителях города, возникающего вокруг царской пирамиды. Значительная часть продуктов, поступавших для царского культа, затем распределялась между обслуживающим персоналом.

⁹ Добрая память об усопшем побуждает живущих заботиться о его загробном благополучии: оберегать заупокойные сооружения с его именем, поддерживать культ. Тем самым ему даруется вечное процветание, вечная “юность”.

¹⁰ Букв.: “в руку Создавшего ее (т.е. маат)”]; возможно также, что имеется в виду бог-творец. О “маат” см. ниже, прим. 12.

¹¹ Букв.: переселенец, см. выше, прим. 3.

¹² Букв.: “в твоём домо(хозяйстве)”. Автор “Поучения” порой противопоставляет районы, непосредственно подчиненные царю, и области, возглавляемые местными вельможами. Слово “маат” здесь и далее означает справедливые обычаи, которым должны следовать царь и люди. В общем же считалось, что эти обычаи установлены самим богом-творцом и что в конечном счете они определяют всю жизнь мироздания.

¹³ Букв.: “передний (покой дворца) – дающий страх задворкам”.

¹⁴ То есть вместе с которым престолонаследник когда-то учился читать.

¹⁵ Ба – персонификация животворящей силы божественного и человеческого тела. После смерти человека Ба представлял его в царстве мертвых. В данном случае речь идет о том, что никакие опасности не угрожают в загробном мире Ба праведника; более того, он сможет приходить из царства мертвых к жертвенникам, чтобы насладиться совершаемыми для него жертвенными возлияниями.

¹⁶ По египетским представлениям, со смертью человек утрачивал свое земное богатство и, таким образом, становился “обездоленным”, “неимущим”. Однако затем суд богов давал праведнику возможность пользоваться заранее приготовленным заупокойным имуществом, утверждая соответствующую “грамоту”-опись. Данный раздел “Поучения” является наидревнейшим пространственным рассуждением о загробном суде.

¹⁷ Отстраивая святилища богов или делая им богатые пожалования, цари тем самым соединяли с культом бога собственный заупокойный культ.

¹⁸ Обычно это место понимается иначе. Но речь идет, видимо, о том, что, следуя примеру “нечестивца”, новые поколения станут разрушать чужие гробницы, чтобы использовать их камень для постройки собственных погребальных сооружений.

¹⁹ Речь, видимо, идет о культе древнейших египетских царей, от которых вели свое происхождение династии, предшествовавшие Гераклеопольскому царскому дому.

²⁰ Тин – VIII верхнеегипетский ном, область г. Абидос, к востоку от которого находились культовые сооружения царей ранних династий. Постепенно кладбище Абидоса становилось священнейшим местом страны, где жители самых разных областей стремились построить для себя кенотафы.

²¹ Букв.: “я взял его (в наследство), как дымку от воды”. Царское имя восстанавливается предположительно. Видимо, этот правитель не заботился должным образом о священном районе Абидоса.

²² Имеются в виду южные номы Верхнего Египта.

²³ Каменоломни высококачественного белого известняка на правом берегу Нила напротив Мемфиса, совр. Тура. Перед этим речь, видимо, идет о поставках розового гранита из района совр. Асуана.

- ²⁴ Чтение двух первых топонимов ненадежно, в других источниках они не упоминаются. Канал двух рыб находился во II верхнеегипетском номе.
- ²⁵ Видимо, речь идет о поставках кедра из финикийского Библа, который теперь падает в страну по западным рукавам Нила.
- ²⁶ Центральная часть Дельты.
- ²⁷ Жрецами, букв.: “очищенными”, называли не только служителей культа, но и работников, которых государство передавало храмам. Таковые освобождались от царских работ, но продолжали сдавать царю поставки зерном.
- ²⁸ Хебену – город на правом берегу Нила, столица XVI верхнеегипетского нома. Путь Хора – протяженная система укреплений на северо-восточной границе Египта в районе совр. Эль-Кантара, защищающая царские владения от азиатских вторжений.
- ²⁹ То есть с того времени, как в Египте установилась царская власть.
- ³⁰ XXII ном Верхнего Египта, большая часть которого располагалась на правом берегу Нила.
- ³¹ Метафора, подразумевающая, что из района Горьких озер все новые массы чужеземцев прибывают в Египет с такой же регулярностью, как если бы они там рождались.
- ³² Описывается боевой потенциал традиционной столичной области Древнего царства и расположенного в ней поселения Джед-исут, разросшегося на месте столицы царя VI династии Тети. Позже там воздвигнет свою пирамиду Мерикара. “Жрецами” в данном случае называются лица, наделенные за воинскую службу участками земли на тех же правах, что и храмовые работники (см. выше, прим. 27).
- ³³ Букв.: “строй подворья для своего изображения”.
- ³⁴ По-видимому, основатель Гераклеопольского царского дома – “дома Ахтоя”.
- ³⁵ Букв.: “за удар воздается подобным его”.
- ³⁶ Речь идет о почитании культовых статуй божества во время шествия процессий.
- ³⁷ “Запад” – в данном случае кладбище и загробный мир.
- ³⁸ Имеется в виду первозданная водная стихия, до сотворения мира скрывавшая собой сушу.
- ³⁹ Имеется в виду, что бог заботится о людях так же хорошо, как он заботится о себе самом.
- ⁴⁰ Видимо, имеется в виду покровитель бальзамировщиков бог Анубис.
- ⁴¹ См. выше, прим. 34.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ

Гор (Хор) – солнечное божество, чтился в облике сокола <...>. С Гором с рубежа IV–III тысячелетий до н.э. сопоставлялись посредством принятия особого имени цари сначала всрхнеегипетского, а затем единого египетского государства.

Маат (египет. “истина, праведность”) – фундаментальное понятие египетского мировоззрения, которое означает космологический/социальный порядок, поддерживаемый верховным богом и фараоном в противовес тенденциям хаоса (“исефет”); олицетворяющая это понятие общеегипетская богиня, дочь Ра (изображалась в облике сидящей женщины с пером на голове)

Мершбра – тронное имя Ахтоя (Хети) I – родоначальника гераклеопольских фараонов (IX династия, ок. 2175–2150 гг. до н.э.)

Осирис – древнеегипетский умирающий и воскресающий бог плодородия, царь и судья загробного мира

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Герacleopolis (египет. Нен–Несут) – главный город XX нома Верхнего Египта, совр. Эхнас; в эпоху I Переходного периода (XXII–XXI вв. до н.э.) столица государства, объединявшего Нижний и Средний Египет; покровителем города считался бараноголовый бог Харшеф (греч. Арсаф)

“*Горькие озера*” – озера, находившиеся в Фаюме к западу от Герacleополя.

“*Обе Земли*” – обозначение Египта, встречающееся в иероглифических текстах очень часто и восходящее к воспоминаниям об объединении его двух частей – Нижнего и Верхнего Египта – на рубеже IV–III тыс. до н.э.

“*Путь Хора*” (“Пути Хора”) – пограничная крепость в восточной Дельте, на караванных путях из Сирии в Египет, в районе совр. Эль-Кантара.

Тинис (Тин) – главный город VIII верхнеегипетского нома, находился севернее Фив.

Хебену – пограничная крепость в восточной Дельте.

Речения Ипусера

Речения Ипусера (прежнее чтение — Ипувера), жившего, если он был исторической личностью, в конце эпохи Среднего царства (начало XVIII в. до н. э.), дошли в записи, судя по языку и орфографии, эпохи Нового царства (ок. 1300 г. до н. э.). Они записаны на иератическом папирусе, обнаруженном подле Мемфиса, в некрополе Саккара, и хранящемся ныне в музее г. Лейдена (№ 1344) в Нидерландах.

Перевод сделан по изданию: *Gardiner A. H. The Admonitions of an Egyptian Sage from an hieratic papyrus in Leiden. Leipzig, 1909.* Перевод и комментарии *Струве В. В.*

[Введение]

I. ... [приставленные к] вратам¹ [говорят]: «Пойдем и будем грабить». Изготовители сладостей, ... прачечники отказываются исполнять свою работу. [Эмалировщики], ... [ловцы] птиц строятся в боевые ряды² ... [жители Дельты несут щиты, пивовары... Человек видит в сыне своего врага. Восстает... Судьба, предназначенная вам [еще] во время Гора*, в век [Эннеады *... свершается]... Доблестный муж идет, скорбя о том, что свершается в стране. Идет... Жители пустыни [варвары] повсюду стали египтянами³.

[А. Первая часть описания бедствия страны]
(Отдельные абзацы вводятся стереотипным «воистину»)

Воистину: лица свирепы... То, что было предсказано предками, достигает [осуществления] ... (Две или три строчки полностью уничтожены.)

II. Лучшая земля в руках банд. Человек поэтому идет пахать со своим щитом. Воистину: кроткие говорят: «[Человек свирепый] лицом стал повсюду. Нет нигде человека вчерашнего дня». Воистину: грабитель повсюду. Раб с похищенным будет находить их. Воистину: Нил орошает, никто не пашет для него. Каждый человек говорит: «Мы не понимаем, что происходит в стране». Воистину: женщины бесплодны, не беременеют. Не творит больше Хнум * из-за состояния страны. Воистину: простолюдины сделались владельцами драгоценностей. Тот, который не мог изготовить себе [даже сандалии], стал теперь собственником богатств. Воистину: сердца его рабов скорбны; не разделяют вельможи с людьми своими [их] радости. Воистину: сердце людей жестоко. Мор по всей стране. Кровь повсюду. Не удаляется смерть. Пелены [мертвого] вопиют еще до приближения к ним ⁴. Воистину: многие трупы погребены в потоке [в Ниле]. Река [превратилась] в гробницу, [а] местом для бальзамирования сделалась река. Воистину: благородные в горе, простолюдины же в радости. Каждый город говорит: «Да будем бить мы сильных [имущих] среди нас». Воистину: люди стали подобны птицам, ищущим падаль.

Грязь по всей стране. Нет человека, одеяние которого было бы белым в это время. Воистину: земля перевернулась, подобно гончарному кругу. Разбойник [стал] владельцем богатств: [богач] [превратился] в грабителя. Воистину: сильные (?) сердцем [стали подобны] птицам [из-за страха]. Неджес [скорбит]: «как ужасно [все]! Что мне делать?» Воистину: поток в крови, [если] люди пьют из него, они отталкиваются [вкусом] человека и они жаждут [чистой] воды. Воистину: ворота, колонны и простенки сожжены, и одни [лишь] стены царского дворца стоят сохранившиеся. Воистину: корабль юга ⁵ охвачен смутой. Города разрушены. Юг превратился в пустыню. Воистину: крокодилы и афина-рыбы хватают себе [обильную пищу], сами люди идут к ним, ведь это зло [смерть] ничто. Говорят: «Не вступай сюда! Смотри! Это вода». Но вот люди входят в [нее] подобно рыбам. Боязливый не различает ее из-за страха сердца. Воистину: людей стало мало, [а] повергающие брата своего наземь повсюду. Убегает знающий об этом [без усталости]. Воистину: сын мужа сделался человеком, которого не знают ⁶. Сын жены [букв.: госпожи] его стал сыном его рабыни ⁷.

III. Воистину: чужеземной землей стала страна [то есть Египет]. Номы [разгромлены]. Варвары извне пришли в Египет. Воистину: достигнуто... Нет [больше] нигде египтян. Воистину: золото, ляпис-лазури, серебро, малахит, сердолик, камень ибхет и... [висят] на шее рабынь. Благородные женщины [скитаются] по стране. Владычицы дома говорят: «О, если бы мы имели что поесть». Воистину: не... благородные женщины. Тела их страдают от лохмотьев, сердца их разрываются, когда они спрашивают о здоровье [того, кто их сам прежде спрашивал о здоровье]. Воистину: разломаны ящики из эбенового дерева, драгоценное дерево расколото на щепки, [сожжены работники] [из дерева] в них⁸. Воистину: строители [гробниц стали] земледельцами. Те, которые были [уже] в ладье бога, впрягаются [в плуг]. Не едут [больше] люди на север в [Библ] *, сегодня. Что нам делать для [получения] кедров нашим мумиям, [ведь] в саркофагах из них погребались «чистые» и бывали набальзамированы маслом их [кедров] [вельможи] вплоть до Кефтиу [Крита]. Они не привозятся [больше]. Израсходованы [изделия] всякой выделки. Опустел дворец царя, да будет он жив, невредим и здоров. Как хорош был [прежде и] приход жителей оазисов с их курениями для праздничной службы, мешками из... полными свежими травами, птицами для... Воистину: Элефантина *, Тинис *, весь юг не платит подати из-за [гражданской] смуты, отсутствует зерно, уголь, плоды иртиу, мачты... ящики (?), [прочие] изделия ремесленников, плоды джа, черное масло [кеми] для дворца. Для чего [может служить] казначейство без податей своих? Сердце же царя [только тогда] радостно, когда к нему приходят приношения. Смотри! Каждая чужеземная страна [говорит]⁹: «Это наша вода! Это наши поля!» Что вы можете сделать против этого? [Ведь все склоняется к упадку. Воистину: смех забыт. Он нигде не слышен. То, что слышно в стране,— это стенания, смешанные с воплями. Воистину: азиаты все стали подобны египтянам, а египтяне [стали] подобны чужеземцам, выкинутым на дорогу. Воистину: волосы выпали у всех. Не различается сын мужа от такого, который не имеет отца. Воистину: [страдают] из-за шума. Не прекращается шум в годы шума. Нет конца шуму. Воистину: Большие и малые [говорят]: «Я желаю, чтобы я умер». Маленькие дети говорят: «О, если бы он [отец] не дал бы мне жизнь». Воистину: детей знатных разбивают о стены. Дети любимые выброшены на высоты. Хнум * скорбит из-за бессилия своего. Воистину: те, которые лежали в месте бальзамирования, они кинуты на высо-

ты. Тайны бальзамировщиков раскрыты. Воистину: вся Дельта, она [больше] не защищена. То, что дорого стране севера, находится на путях, [открытых] удару. Что нам делать, чтобы не было доступа всюду? Пусть скажут: «Держись вдали от места тайн! [Ибо] смотри! Оно в руках, не знающих его, как будто они знали бы его». Варвары стали искусны в работах Дельты¹⁰. Воистину: люди зажиточные поставленные к работе над ручными мельницами. Те, которые были одеты в тонкое полотно, избиваются палками. Те, которые не видели [сияния] дня, выходят беспрепятственно¹¹. Те, которые лежали на ножах мужей своих, пусть спят на баржах¹²... Скажут они: «Тяжело мне на барже с миррой», — то пусть нагрузят их сосудами, полными с... Пусть узнают они носилки. Что касается слуг, [то ведь] те больны! [А] это хорошее лекарство для них, [когда] из-за них страдают благородные женщины, подобно рабыням. То, что поют певицы в хорах богине Мерт *, — это скорбь, повесть [о муках] над жерновом. Воистину: рабыни все стали владеть устами своими. Если говорят их госпожи, то это тяжело переносить рабыням. Воистину: [существуют] сикоморы, деревья «сек», деревья «гену» и деревья «зеву».

Я различал [поэтому] его [собственника] и рабов дома его, скажут люди, когда услышат про это¹³. Отсутствует лишний хлеб для детей. Нет пищи для... Сегодня! На что похож вкус сегодня.

Воистину: вельможи голодны и в отчаянии. Слуги обслуживаются... из-за жалоб. Воистину: человек ожесточенный говорит: «Если бы я знал, где бог, то я принес, бы ему жертву». Воистину: право в стране [существует лишь] по званию своему. [Грех] — это то, что творят они [люди], говоря ложь во имя его. Воистину: воины бегут к мешкам [купца], подобно грабителям; расхищается все имущество того. Воистину: животные все, сердца их плачут. Скот скорбит из-за состояния страны. Воистину: мясник режет их. Боязливый человек говорит: «О, [где же он], оразитель врагов наших?» Отсутствуют амулеты благополучия из-за... Разве надо преследовать крокодила и разрезать его?¹⁴ Или убивать льва и жарить па огне? Или же жертвовать Птаху * похищенное?.. Что [другое] вы ему дадите? Не обращайтесь к нему! Злом будет то, что вы ему дадите. Воистину: рабы... .. по стране. Сильный посылает ко всякому. Человек убивает братьев матери своей¹⁵. «Что делать?»,—говорю я из-за гибели. Воистину: дороги [безлюдны], ибо на путях засады. Люди

сидят в кустах, покуда пройдет ночной путник, чтобы схватить ношу его. Отбирается все то, что на нем. Его осыпают ударами палки и убивают преступным образом. Воистину: погибли те, кто видели вчерашний день. Страна в бессилии своем, подобно сжатому льняному полю. Неджес¹⁶, ты выходишь в отчаянии. Золотых дел мастер... О, если бы пришел конец людям! Не было бы зачатия и не было бы рождения! О, если бы замолкла страна от крика и не было смуты! Воистину: [кушают] траву и запивают ее водой. Не находят [больше] плодов [деревьев] и травы для птиц. Отнимается пойло ото рта свиней. Нет у тебя¹⁷ прекрасных лицом, ибо они [еще] больше меня поражены голодом.

VI. Воистину: зерно гибнет на всех путях. Люди лишены платья, мази и масла. Все говорят: «Нет ничего». Закром разрушен. Страж его повержен на землю. Это несчастье для сердца моего. Я подавлен совсем. О, если бы я мог дать [услышать] мой голос в этот час, чтобы он спас меня от того несчастья, в котором я нахожусь. Воистину: прекрасная судебная палата. Расхищены ее акты, лишены хранилища ее тайн [своего] содержания. Воистину: магические формулы стали общеизвестными. Заклинания «шем» и заклинания «сехен»¹⁸ сделались опасными, ибо они запоминаются [теперь всеми] людьми. Воистину: вскрыты архивы. Расхищены их податные декларации. Рабы стали владельцами рабов¹⁹. Воистину: [чиновники] убиты. Взятые их документы. О как скорбно мне из-за бедствий этого времени. Воистину: писцы по учету урожая, списки их уничтожены. Зерно Египта стало общим достоянием. Воистину: свитки законов судебной палаты выброшены, по ним ходят на перекрестках. Бедные люди сламывают их печати на улицах. Воистину: бедные люди достигли положения Эннеады *, [ибо] то ведение дел Дома тридцати²⁰ лишилось своей замкнутости. Воистиг Великая судебная палата стала [местом] выхождения и вхождения в нее. Бедные люди выходят и входят в Великие дворцы²¹. Воистину: дети вельмож выгнаны на улицу. Человек знающий подтвердит все это, глупец же будет отрицать, [ибо] невежде будет казаться прекрасным [все свершающееся] перед ним.

[Б. Вторая часть описания бедствий страны]
(Отдельные абзацы вводятся стереотипным «смотрите»)"

VII. Смотрите: огонь поднялся высоко; пламя его исходит от врагов страны. Смотрите: свершились дела, которые никогда, [казалось], не

могли свершиться. Царь захвачен бедными людьми. Смотрите: погребенный соколом [царь], он лежит на [простых] носилках. То, что скрывала пирамида, то стоит теперь пустых! [гробница царя]. Смотрите: было приступлено к лишению страны царской власти немногими людьми, не знающими закона. Смотрите: приступили люди к мятежу против урея, [глаза] Ра *, умиротворяющего Обе Земли. Смотрите: сокровенное страны, грани которой не знали, стало всем известно. Столица, она разрушена в один час. Смотрите: Египет [сам] начал лить воду. Тот, который лил только воду на землю, он захватил сильного во время бедствия²². Смотрите: змея [урей] взята из гнезда своего [из головного убора царя]. Тайны царей Верхнего и Нижнего Египта стали всем известны. Столица встревожена недостатком. Все стремятся разжечь гражданскую войну. Нет возможности сопротивляться. Страна, она связана шайками грабителей. [Что касается] сильного ловца, то подлый берет его имущество. Смотрите: червь [глохнет [знатных] покойных: тот, который не мог сделать себе саркофага, он [теперь] стал владельцем гробницы. Смотрите: владельцы гробниц выкинуты на вершины холмов. Тот, который не мог сделать себе [даже] гроба, он стал «владельцем» заупокойного имения. Смотрите: это свершилось теперь с людьми. Тот, который не мог себе построить [даже] хижину, он стал [теперь] владельцем дома. Смотрите: придворные изгнаны из домов царя. Смотрите: благородные женщины находятся на баржах-шеду²³. Вельможи пребывают в закромах. Тот, который не спал [даже] рядом со стеной, он стал [теперь] собственником ложа. Смотрите: владелец богатства проводит ночь [теперь], страдая от жажды. Тот, который выпрашивал осадок [напитков], теперь собственник кувшинов, кидающий их наземь²⁴. Смотрите: владельцы роскошных одеяний [теперь] в лохмотьях. Тот, который никогда не ткал для себя, [теперь] владелец тонкого полотна. Смотрите: тот, который никогда не строил себе [даже] лодки, стал [теперь] владельцем кораблей. Настоящий же их собственник смотрит на них, но они уже не принадлежат ему. Смотрите: тот, который не имел тени [опахала], стал [теперь] собственником тени. [Бывшие же] собственники тени [охлаждаются только] при дуновении ветра. Смотрите: тот, который не знал [даже] лиры, стал [теперь] владельцем арфы. Тот, который [даже] для себя не пел, он восхваляет [теперь] богиню Мерт *. Смотрите: собственники поставцов из меди не украшают больше сосудов ни на одном из них. Смотрите: тот, который спал без жены из-за

бедности, он находит [теперь] благородных женщин. Тот, который не смотрел на него, [теперь] стоит, уважая [его]. Смотрите: тот, который не имел своего имущества, стал [теперь] владельцем богатств. Вельможи восхваляют его. Смотрите: простолюдины страны стали богатыми. Собственники богатств стали неимущими. Смотрите: [руко] водимые стали собственниками рабов. Тот, который был [сам] посыльным, посылает другого. Смотрите: тот, который не имел своего хлеба, [стал] собственником закрома. Снабжена его кладовая собственностью другого. Смотрите: тот, волосы которого выпадали, потому что он не имел своего масла, стал собственником [целых] кувшинов со сладким мирром. Смотрите: не имевшая [даже] ящика [с добром] стала владычицей [целого] груза. Та, которая смотрела на свое лицо в воде, [стала] владычей зеркала. Смотрите... Смотрите: хорош тот человек, который ест свой хлеб. Питайся своим имуществом в радости сердца. Не отворачивайся от него, [ибо] полезно человеку есть свой хлеб. Бог повелевает это тому, кто восхваляет его... Смотрите: тот, который не [з]нал бога, тот жертвует ему воскурения другого. Тот, который не знал [...Смотрите] : благородные женщины великого рода, собственницы драгоценностей, отдают своих детей в качестве наложниц. Смотрите: человек [знатный брал себе] благородную женщину в качестве жены, и его защищал отец ее. [Теперь же] не имеющий такого тестя убивает его. Смотрите: дети сановников [теперь] в [лохмотьях, скот] стад их принадлежит грабителям. Смотрите: мясники режут [теперь] скот бедняков, ибо скот в руках грабителей²⁵. Смотрите: тот, который ничего для себя не резал, тот режет [теперь] откормленных быков. Тот, который не знал [даже] ящерицы, видит [теперь яства] всевозможные²⁶. Смотрите: мясники режут гусей, и они [гуси] жертвуются богам вместо быков. Смотрите: рабыни... жертвуют вещество апех. Благородные женщины... Смотрите: благородные женщины бегут. Начальники... их повержены страхом смерти. Смотрите: начальники страны спасаются бегством, они не находят [даже] милостыни (?) из-за скудости. Владелец наград бедствует (?). Смотрите: владелицы ложа спят па земле. Тот, который проводил ночь в грязи, приготовляет себе кожаное ложе. Смотрите: благородные женщины голодны, мясники же сыты тем, что они закололи [для других]. Смотрите: все должности, они не на свои: местах, подобно испуганному стаду без пастухов. Смотрите: скот разбегается. Нет никого, который бы собирал его. Каждый приводит себе его, клеймя своим

именем. Смотрите: убивают человека рядом с братом своим. Тот оставляет его, чтобы спасти себя. Смотрите: тот, который не имел [даже] своей упряжки [т. е. двух быков], стал владельцем стада. Тот, который не мог найти себе быка для распашки, стал собственником большого количества скота. Смотрите: тот, который не имел своего зерна, стал владельцем амбаров. Тот, который брал в долг зерно, [теперь] сам дает его. Смотрите: тот, который не имел [даже] временных рабов, стал [теперь] собственником наследственных рабов. Тот, который был «вельможей», [теперь] сам исполняет поручения. Смотрите: силь ным [знатным] не [докладывается положение] народа. [Все] приближается к гибели. Смотрите: все ремесленники, они не работают. Похитили враги страны ее ремесла. [Смотрите: тот, который собрал] жатву, он не получает ее. Тот, который не пахал [для] себя, получает жатву. [Жатва] созревает, [но], о ней не доносит [никто]. Писец сидит [в своей канцелярии], руки его бездействуют в ней.

[В. Третья часть описания бедствий страны] (Отдельные абзацы вводятся стереотипным «разрушено»)

Разрушено:... [около 14 квадратов²⁷ уничтожено]... в то время. Человек видит [врага в меджаи] ²⁸ своем. [Только] слабые приносили [облегчение тому, кто страдает...]... [8 квадратов] ...страх, нет... (5/6 строки уничтожено)... бедняки... (2/5 строки)... не освещается земля из-за этого. [Разрушено]:.. [9—10 квадратов]... [отнимается пища у них]... [8 квадратов]... страх ужаса перед ним. Умоляет неджес... [около 9 квадратов]... посыльный. На... [6 квадратов]... время. Его схватывают нагруженного его имуществом. Отбирают... [около 9 квадратов]... проходят мимо его ворот... [5—6 квадратов]... [в] гробницу, стены, помещение комнат с соколом²⁹.

Вынимаются мумии... [около 5 квадратов]... [утром]. Разве неджес бодрствует? Земля рассветает над ним. Он не ужасается этого. Проходят мимо голов [спящих], скрученных в больших палатках, [служащих] в качестве дома. Палатки — это то, что он сооружают подобно жителям пустыни. Разрушено: посылание слуг по поручению своих господ. Нет боязни перед ними [господами]. Смори, вот пятерка ³⁰. Они говорят: «Идите [сами] по дороге, которую вы знаете; мы достигли [своей цели]».

[Заключение описания бедствий страны]

Плачет северная страна. Закром царя стал достоянием каждого. Весь дом царя остался без своих доходов. Ему же [по праву] принадлежат пшеница, ячмень, птицы и рыбы, ему принадлежат холст, тонкое полотно, мед, масло, ему принадлежат ковры и циновки, цветы, носилки и все прекрасные подати. Он [должен] приходить [к закрому, а именно] производящий. Если бы не было слов разрушения, [все] это было бы в доме царя — да будет он жив, невредим и здоров! — и он не был бы лишенным всех этих приношений.

[Г. Призыв к восстановлению царской власти]
(Отдельные абзацы вводятся стереотипным «уничтожайте врагов благородной столицы»)

Уничтожайте врагов благородной столицы: блестящей придворными... в ней подобно... 2/5 строки]... Начальник города³¹ проходит без своей свиты. [Уничтожайте врагов благородной столицы]: блестящей... [8—9 квадратов]... [Уничтожайте врагов] столицы той благородной с многочисленными законами... [9 квадратов]... [3—4 строки]... [Уничтожайте врагов столицы той благородной]... [около 7 квадратов]... Не мог противостоять... [4—5 квадратов]... [Уничтожайте врагов столицы той] благородной с многочисленными канцеляриями. Воистину ... [около 7 квадратов]...

1 [Д. Призыв к восстановлению религиозного культа]
(Отдельные абзацы вводятся стереотипным «помните»)

Помните: о совершении возлияний... [7—8 квадратов]... [вы], страдающие больше, чем тот, который болен во всех членах своих. Умоляйте... [2 квадрата]... [Молитесь] богу своему. Защита его, уста... [5—6 квадратов]... дети его свидетельствуют [за него], вызывая орошение [в пустыне]. Помните: о снабжении закрома [храмов], воскурении фимиама и возлиянии воды из кувшина хеле [каждое] утро. Помните «о доставлении» жирных гусей-ра, серпу и гусей-сет, о приношении жертв богам. Помните: о жевании натрия³², приготовлении белого хлеба [знатным] мужем в день омовения головы. Помните: о воздвижении древков [для храмовых хоругвий], вырезании [надписей] на жертвеннике. [Пусть] жрец очищает храмы. Пусть дворец бога выложен камнями [белыми] подобно молоку. Помните: об услаждении запаха горизонта [т. е. хра-

ма], о непрекращении жертвенных явств. Помните: о следовании предписаниям [ритуала] о соблюдении месячных дней. [Помните:] об удержании вступающего в жречество от телесной нечистоты. Совершение таковой — это тяжкий грех. Это — испорченность сердца. [Помните: о соблюдении] дня перед вечностью, [соблюдении] месяцев, о различении [новолетий] [своим] знанием. Помните: колоть быков... [около 8 квадратов]... [согласно] писаниям. Помните: о выхождении [и ... к богу], зовущему вас. [Помните:] о жертвовании гусей в огне... [2/5 строки]... [Помните:] о предписании [жертвовать] кружку [вина] и о [возлиянии] на берегу реки... 5/2 строки] ...женщин... [4/5 строки] ...одеяния. ...[1/5 строки]... о создавании восхвалений... [1/2 строки] ... чтобы умиротворить вас... [5—6 квадратов] ...нужда людей.

[Е. Выражение веры в благость общеегипетского бога Ра]

Приходи... 2/3 строки] ... [сила] Ра, приказание... восхваляя. Он [приходит с] запада, чтобы уничтожить... [5—6 квадратов] ...людей богами. Смотрите, он [стремится построить]... [3/2 квадрата оставлены незаполненными] ...зачем? Смотрите, он не различает боязливого от дерзкого сердцем, он приносит прохладу страдающему от жары. Говорят, он пастырь для всякого. Нет зла в его сердце. Если уменьшится его стадо, то он проводит день, чтобы собрать его, [хотя] и огонь был бы в сердце их.

[Ж. Выражение скорби о допущении богом первичного греха в людях]

О, если бы он исправил их сущность в первом их поколении! Да разбил бы он грех, протянул бы руку против него! Уничтожил бы имя и потомство его! [Люди же] желали родить для него [для греха], и произошло несчастье. Нуждающиеся на всех путях. Вот что произошло.

[З. Изобличение царя, наместника бога на земле, в бездействии, лжи и ненависти]

Оно [несчастье] не наступило бы, если бы были боги среди них| [людей]. [Тогда] выросло бы потомство у жен мужей и не находили бы его на дороге³³. Боец выходил бы уничтожать злых, которых они произвели. Но не было руководителя в их час. Где же он [даже] сегодня? Разве он спит? Смотрите, не видна была [до сих пор] его сила. Когда мы погибали, я не находил тебя [очевидно, царя]. Меня бы не звали напрасно. Это больший грех, чем испорченность сердца. Изречения

[страха] [теперь] на устах всех. Нынешний день, страх перед ним среди людей больший, чем перед] миллионом мужей. Не видит [царь никого, кроме] врагов... [5—1 6 квадратов]... [подходит] смута к гарему его, вступает в храм... [около 5 квадратов]... [плачет] Он [перед]... [8—9 квадратов]... То, что производит смуту, это слова его [царя], [более чем] палка| [насильника]... [около 4 квадратов]... Не пала бы земля... [7-8 квадратов]... сожжены статуи, погибли их гробницы. Захвачены... Он видит день... [4 квадрата]... какого-либо. Тот, который ничего злого не сделал между небом и землею, он боится всякого. Что он сделал? Чего достигли мы? Он [человек] выступает против того, что ты не хочешь уничтожить. Разум, познание и правда с тобою. А смуту вместе с шумом междоусобия ты рассылаешь по стране.] Смотри, один свершает насилие над другим. [Люди] идут против твоих повелений. Если идут трое по дороге, то находят только двоих. Больше число убивает меньшее. Разве существует пастырь, желающий смерти [своему стаду]? О, если бы ты приказал дать ответ на этот вопрос! Потому что любящий — это один человек, ненавидящий же — другой. Гибнут жизни их на всех путях. Ты делал [все], чтобы вызвать это. Ты говорил ложь. Страна стала ядовитой травой, уничтожающей людей. О, если бы не погребались [люди] живыми. Все эти годы [стали годами] смуты. Убивают [знатного] мужа на кровле его дворца. Он сам [должен] бодрствовать в своем сторожевом домике. Если он храбр, он спасает себя. Он живет. Отнимается дом у неджеса. Он бежит по дороге, пока не увидит разлив [воды]. Дорога у него отрезана. Он стоит в отчаянии. Отнимают у него то, что на нем. Избивают его ударами палки. Убивается он теми [грабителями]. О, если бы ты испробовал [хоть] немного от несчастья, тогда бы ты сказал...

[И. Описание будущего благополучия страны]
(Отдельные абзацы вводятся стереотипным «но это будет хорошо»)

[Но это будет хорошо:] когда баржи будут ехать вверх по реке...

[1/2 строки]... [никто не будет грабить их]. Но это будет хорошо... 2/5 строки]... [Но это будет] хорошо: когда будет выкинута сеть и будут ловиться птицы [для] откармливания. Но это будет хорошо: [когда будут восстановлены] должности для себя, дороги сделаются проходимыми. Но это будет хорошо: когда руки людей будут строить пирамиды, будут копать пруды, будут создаваться сады из сикомор для богов. Но это бу-

дет хорошо: когда люди будут напиваться, когда они будут пить напиток, и сердца их будут радостными. Но это будет хорошо: [когда] радость будет на устах [людей]. [Когда] знать номов будет стоять и наблюдать за радостью в своих домах. Она одета в тонкое одеяние, чиста лицом и укреплена в сердце. Но это будет хорошо, [когда] ложа будут приготовлены, подушки вельмож [будут] сложены в сохранности. [Когда] желания каждого человека будут исполнены в виде ложа в тени. [Когда] будет закрыта дверь за тем, который спал в кустах. Но это будет хорошо: [когда] тонкое полотно будет разостлано и одеяния на земле. Начальник... [8—9 квадратов]... [больше 1/2 строки]... сикоморы неджес [говорит]... [около 4 1/2 строк].

[К. Описание будущей боевой мощи страны]

...случай грабежа... [около 3/5 строки]... [в середине] их, подобно азиатам... [почти 1/3 строки]... для него. Люди [сами] замышляют свои планы [спасения]. Они исполняют их для себя. [Ибо] не нашелся тот, который будет стоять над защитой их... [5—6 квадратов] ... Сражается каждый за свою сестру. Он защищает себя. А негры? О, если бы мы сами защищали себя³⁴. Умножайте [число бойцов], чтобы отразить, лучников. [А] ливийцы? О, если бы мы повернули [их] обратно! Меджаи* хороши с Египтом. Разве кто-либо убивает своего брата³⁵? Молодежь, которую мы рекрутировали для себя, стала, подобно лучникам, склонной к разрушению. Вследствие этого случится, что дадут знать бедуинам о состоянии страны. Все варвары наполнятся боязнью перед ней. То, что испытали люди, не дает Египту превратиться в пустыню. Сила ее [страны] ограничивает врагов. Сказано вам после лет... [4—5 квадратов]... [разрушая] себя самого... Остающиеся дают жизнь домам своим... [4-5 квадратов]... чтобы даже жить детям ее [страны]...

[Заключение речей Ипусера] ...как излишек хлеба. То, что сказал Илусер владыке Вселенной...

¹ Вратари охраняли порядок и имущество и поэтому их выступление как грабителей — яркий признак наступления гражданской войны.

² За вратарями, представители других мирных профессий брались за оружие.

³ Рабы-варвары добились равных прав с египтянами.

⁴ Возможно, в Египте существовало представление, что одежда убитого каким-то образом изобличала убийцу при его приближении к трупу.

⁵ Корабль юга — государство сравнивается с кораблем, обычное для египетской литературы сравнение.

- ⁶ Знатные сравнивались с рядовыми свободными.
- ⁷ Сын Свободной женщины сравнился в правах с сыном рабыни
- ⁸ Судя по контексту, речь идет о фигурках-«ответчиках» (ушебти), которых клали в гробницы, с тем чтобы они ожили при помощи магических заклинаний и выполняли в потустороннем мире для своих хозяев все сельскохозяйственные работы.
- ⁹ Гражданская война освободила часть чужеземных рабов, и те пытались захватить собственность египтян.
- ¹⁰ Варвары-рабы, выполнявшие раньше лишь черную работу, стали теперь сами ремесленниками.
- ¹¹ То есть рабы.
- ¹² На баржах в Египте, очевидно, устраивались лупанарии.
- ¹³ Первое упоминание неравенства в природе как аргумента против возможного равенства людей.
- ¹⁴ Очевидно, стали убивать львов и крокодилов в тех местах, где они почитались как священные животные.
- ¹⁵ В Египте, где были сильны пережитки матриархата, убийство брата матери считалось особенно тяжким преступлением. Правда, здесь текст сильно поврежден, что допускает и иное истолкование.
- ¹⁶ См. прим. 2 к док. 13, с. 56.
- ¹⁷ В египетском языке 2-е лицо сд. ч. иногда используется в безличных оборотах.
- ¹⁸ Шем означает и «приходить», и «уходить». Очевидно, это заклинание имело целью вызвать наступление какого-либо явления или же отвратить его, Сехен — значит «обнимать». С помощью таких заклинаний маг «обнимал» злой дух или недуг, то есть «завладевал» им.
- ¹⁹ В податных декларациях указывались и рабы домохозяев. Поэтому⁵ после их уничтожения нельзя было доказать, что то или иное лицо являлось рабом.
- ²⁰ Дом (Коллегия) Тридцати — Судебная Коллегия, состоявшая из крупных сановников.
- ²¹ В Великих дворцах заседали суды.
- ²² Орошали высокие поля рабы, теперь свободные египтяне должны были сами выполнять эту работу.
- ²³ Термин неизвестен.
- ²⁴ В этих кувшинах хранились алкогольные напитки.
- ²⁵ Очевидно, бедняки и грабители для Ипусера одно и то же.
- ²⁶ Вероятно, в Египте, как и в некоторых других странах, бедняки ели ящериц.
- ²⁷ Квадраты — в египтологии: условное обозначение группы иероглифических или иератических--знаков, которые по правилам египетской каллиграфии писцы стремились расположить так, чтобы они вписывались в квадрат.²⁸ Меджаи использовались в Египте как стражники-«полицейские» и воины. В эпоху Нового царства слово потеряло этническую окраску и стало означать вообще «полицейский».
- ²⁹ Может быть, речь идет о царской гробнице.
- ³⁰ Пятерками были организованы государственные рабы.
- ³¹ Начальник города — в данном случае высший сановник государства.
- ³² Натрий жевали для ритуального очищения рта.
- ³³ Не находили бы его на дороге — вероятно, убитым во время смут в стране.
- ³⁴ Здесь, возможно, выражено желание освободиться от помощи чужеземных наемников.
- ³⁵ Меджаи — опора господствующего класса, рассматриваются как родные братья.

Древний Вавилон

Законы Хаммурапи

Черный столб из базальта с текстом «Законов» был найден 1901—1902 гг. французскими археологами в Сузах (столице древнего Элама). Текст частично поврежден: часть лицевой стороны столба была выскоблена. В верхней части лицевой стороны изображен сам Хаммурапи, молящийся «судье богов», покровителю справедливости и солнечному богу Шамашу, который вручает ему законы. Вся остальная часть столба была с обеих сторон заполнена клинописным текстом, состоящим из трех частей: введения, собственно законов и заключения. Непрерывно записанный текст законов условно делится исследователями на 282 первоначальные статьи, из которых 35 были стерты, а 247 сохранились.

Хаммурапи, царь Вавилона (1792-1750) — незаурядный государственный деятель и удачливый военный организатор, глубоко и искренне уверовавший в свою провиденциальную миссию в 1764 в союзе с Мари начал войну со всеми остальными государствами Месопотамии. Около 1755 война завершилась полным триумфом Хаммурапи, объединившего всю Месопотамию.

«Законы» были в окончательной редакции изданы только после этой победы, как своего рода итог всей государственной деятельности Хаммурапи.

Перевод Якобсона В.А. (Хрестоматия по истории древнего Востока. 1. М.1980. С.152-177).

Когда высокий Анум, царь ануннаков, и Эллиль, владыка небес и земли, определяющий судьбу страны, определили Мардуку, первейшему сыну Эа, владычество над всеми людьми, возвеличили его среди игггов, Вавилон назвали его высоким именем, сделали его могучим среди частей света и утвердили в нем вечную царственность, основание которой прочно, как небеса и земля — тогда меня, Хаммурапи, заботливого государя, богобоязненного, чтобы дать сиять справедливости в стране, чтобы уничтожить преступников и злых, чтобы сильный не притеснял слабого, чтобы подобно Шамашу восходить над черноголовыми и озарять страну, — Анум и Эллиль призвали меня для благоденствия населения.

Я — Хаммурапи, пастырь, названный Эллилем, скопивший богатство и изобилие, сделавший все для Ниппура, связи небес и земли, заботливый попечитель Экура, могучий царь, восстановивший Эриду на своем месте, очистивший ритуалы Эабзу.

Сокрушитель четырех стран света, возвеличивший имя Вавилона, удовлетворивший сердце Мардука, своего владыки, который дни

свои служил Эсагиле; семя царственности, которое создал Син, обогативший город Ур, смиренный богомолец, принесший изобилие в Экишнугаль.

Благоразумный царь, послушный Шамашу, могучий, укрепивший фундамент Сиппара, одевший зеленью часовню Айи, поднявший храм Эбарру, подобно небесному чертогу.

Герой, помиловавший Ларсу, обновивший Эбаббар для Шамаша, своего помощника.

Владыка, даровавший жизнь Уруку, проведший обильную воду его населению, высоко поднявший главу Эанны, скопивший богатство для Анума и Иштар.

Защита страны, собравший рассеянное население Иссина, заставивший течь богатство в храм Эгалмах.

Дракон среди царей, любимый брат Забабы, прочно основавший поселение города Киш, окруживший сиянием храм Эметеур-саг, упорядочивший великие ритуалы богини Иштар, пекущийся о храме Хурсагкалааммы.

Западня для врагов, которому Эрра, друг его, дал достигнуть своих желаний, возвеличивший город Куту, увеичивший все мыслимое для Меслама.

Ярый буйвол, бодающий врагов, любимец Туту, радующий Борсиппу, попечитель, не перестающий заботиться об Эзиде.

Бог царей, знающий мудрость, расширивший ниву Дильбата, наполнивший житницы для могучего бога Ураша.

Владыка, достойный жезла и короны, которого сделала совершенным мудрая богиня Мама, укрепивший границы города Кеша, сделавший обильными чистые жертвоприношения для богини Нинту.

Усердный, совершенный, определивший пастбища и водопой для Лагаша и Гирсу, приносящий великие хлебные жертвы в храм Энинна. Одолевший врагов, любимец богини Высокой, исполнивший оракульские предсказания города Халлаба, радующий сердце Иштар.

Светлый государь, обеты которого знает бог Адад, успокоивший сердце Адада, могучего, в Бит-Каркаре, установивший все нужное в храме Эугалгале, царь, давший жизнь Адаб, заботящийся о храме Эмах.

Герой царей, не имеющий равных в бою, который даровал жизнь городу Машканшабрим, напоивший богатством храм Эмеслам.

Мудрый вождь, достигший исполнения устремлений, защитивший людей города Мальгиума от нужды, прочно основавший их жилища в изобилии; тот, что богу Эа и богине Дамгальнунне, возвеличившим его царственность, навечно установил чистые жертвоприношения.

Первейший из царей, покоривший селения по Евфрату силою Дагана, своего создателя, тот, который пощадил население Мэра и Туттуля.

Заботливый князь, просветливший лик богини Иштар, установивший чистые жертвоприношения богу Ниназу, сохранивший своих людей во время бедствия, благополучно установивший их основание внутри Вавилона.

Пастырь людей, деяния которого нравятся богине Иштар, установивший статую богини Иштар в храме Эулмаш среди широкоуличного Аккада, давший сиять истине, справедливо руководящий народами, возвративший в город Ашшур его добрую ламассу. Усмиритель мятежа, царь, который дал воссиять имени Иштар в Ниневии, в храме Эмишмиш.

Я — заботливый, покорный великим богам потомок Сумулаэля, могучий наследник Синмубаллита, вечное семя царственности, могучий царь, солнце Вавилона, давший свет стране Шумера и Аккада, царь, вынудивший к послушанию четыре страны света, любимец богини Иштар.

Когда Мардук направил меня, чтобы справедливо руководить людьми и дать стране счастье, тогда я вложил в уста страны истину и справедливость и ублаготворил плоть людей. Отныне:...

(Далее идёт текст законов, разбитых на 282 статьи)

Вот справедливые законы, которые установил Хаммурапи, могучий царь, тем самым давший стране истинное счастье и доброе управление.

Я — Хаммурапи, царь совершенный, не был невнимателен к черноголовым, которых даровал мне Эллиль и пастырство над которыми вручил мне Мардук. Я не был нерадив. Я отыскал им безопасные места, открывал выход из тяжких бедствий и заставил свет взойти над ними.

Могучим оружием, врученным мне богом Забабой и богиней Иштар, мудростью, определенной мне богом Эа, мощью, данной мне богом Мардуком, я истребил врагов на севере и на юге.

Я искоренил междоусобицы, улучшил положение страны, поселил людей в надежных местах и избавил их от страха. Великие боги меня призвали, и поэтому я — пастырь-миротворец, скипетр которого прям. Моя благая сень распростерта над моим городом, и я держу на своем лоне людей страны Шумера и Аккада. С помощью моей богини покровительницы они стали преуспевать, я привел их к благополучию и укрыл их своей мудростью.

Чтобы сильный не притеснял слабого, чтобы оказать справедливость сироте и вдове, чтобы в Вавилоне — городе, главу которого вознесли Анум и Эллиль, и в Эсагиле — храме, фундамент которого прочно установлен, точно небеса и земля, — судить суд страны, выносить решения страны и притесненному оказать справедливость, я начертал свои драгоценные слова на своем памятнике и установил перед своим, царя справедливости, изображением.

Я — царь, превосходящий прочих царей, мои слова отменны, моя мудрость не имеет себе равных. По велению Шамаша, великого судьи небес и земли, да воссияет в стране моя справедливость; по слову Мардука, моего владыки, пусть мои указы не имеют нарушителя. В Эсагиле, храме, который я люблю, пусть мое имя вечно поминается во благо!

Угнетенный человек, который обретет судебное дело, пусть подойдет к моему, царя справедливости, изображению, пусть заставит прочесть мой написанный памятник, пусть он услышит мои драгоценные слова, а мой памятник пусть покажет ему его дело, пусть он увидит свое решение, пусть успокоит свое сердце и пусть с силой скажет: «Хаммурапи-де владыка, который является для людей как бы родным отцом, он склонился перед велением Мардука, его владыки, и одержал победы Мардука на севере и на юге, сердце Мардука, его владыки, он удовлетворил и устроил людям благоденствие навеки, а страну управил по справедливости!», и пусть он от полного сердца благословит меня перед Мардуком, моим владыкой, и Царпанит, моей владычицей. Бог-хранитель, богиня-хранительница, боги, вступающие в Эсагилу, и кирпич Эсагила пусть ежедневно одобряют мои помыслы перед Мардуком, моим владыкой, и Царпанит, моей владычицей.

На будущие времена, навсегда: царь, который будет в стране, пусть хранит справедливые слова, которые я начертал на своей стеле; пусть не изменит законы страны, которые я установил, решения страны, которые я решил; пусть не отвергнет моих указов. Если этот человек

будет иметь разум и сможет справедливо управлять своей страной, то пусть относится с почтением к постановлениям, которые я начертал на своей стеле, и пусть эта стела укажет ему стезю и направление, закон страны, который я установил, решения страны, которые я решил, и пусть он справедливо управляет своими черноголовыми, пусть разбирает их тяжбы, пусть решает их решения, пусть истребит в стране преступников и злых, пусть улучшит положение своих людей.

Я — Хаммурапи, царь справедливости, которому Шамаш даровал правду! Мои слова отменны, мои деяния не имеют равных! Только для неразумного они — пустое, но мудрому они созданы для соблюдения.

Если этот человек будет относиться с почтением к моим постановлениям, которые я начертал на своей стеле, не отвергнет моих законов, не исказит моих слов, не изменит моих указов, этот человек, — пусть Шамаш сделает долгим его скипетр, как мне, пусть он руководит своими людьми в справедливости.

Если же этот человек не будет чтить мои постановления, которые я начертал на своей стеле, будет презирать мои проклятия, не побоится проклятий богов и отменит законы, которые я установил, исказит мои слова, изменит мои указы, сотрет мое начертанное имя и напишет свое имя или же из-за этих проклятий подучит другого сделать это, то — будь то царь, будь то властитель и будь то кто-либо из людей, названных именем, — пусть великий Анум, отец богов, призвавший меня к власти, отвратит от него царский ореол, пусть он сломает его скипетр, пусть он проклянет его судьбу.

Пусть Эллиль — владыка, определяющий судьбы, веления которого неотменяемы, возвеличивший мое царство, раздует в его жилище неподавляемое восстание, губительную для него смуту; пусть определит ему в качестве судьбы тяжкое правление, краткие дни, голодные годы, беспросветную тьму, внезапную смерть, пусть он повелит своими почтенными устами погибель его города, рассеяние его людей, поражение его царства, уничтожение в стране его имени и его названия.

Пусть Нинлиль, великая мать, повеления которой имеют вес в Экуре, владычица, одобряющая мои помыслы, — сделает его дело скверным перед Эллилем в месте суда и решений; пусть она вложит в уста Эллиля-царя опустошение его страны, уничтожение его народа, излияние его души подобно воде.

Пусть Эа — великий государь, чьи определения первенствуют, мудрейший среди богов, всеведущий, продлевающий дни моей жизни, — отнимет у него ум и разум и введет его в безумие, пусть он заткнет его реки у их истоков, пусть он не даст вырасти на его земле хлебу — жизни людей.

Пусть Шамаш — великий судья небес и земли, направляющий на верный путь всех живых существ, моя опора — сокрушит его царство, не разберет его тяжбы, запутает его дорогу, сотрясет до основания его войско; пусть определит ему при гаданиях плохое предзнаменование об уничтожении его страны; пусть его быстро настигнет злое слово Шамаша, пусть он исключит его из живых наверху и заставит его дух жаждать воды внизу, в преисподней.

Пусть Син — владыка небес, бог, создавший меня, блеск которого сияет среди богов, — отнимет у него венец и царский престол; пусть наложит на него тяжкое наказание за его великий грех, который неистребим на его теле, и пусть он заставит его кончить дни, месяцы и годы своего правления во вздохах и стенаниях, пусть даст ему увидеть супостата его царства, пусть определит ему в качестве судьбы жизнь, которая подобна смерти.

Пусть Адад — владыка изобилия, ороситель небес и земли, мой помощник — лишит его дождей из небес и половодья из источников; пусть погубит его страну голодом и нуждой; пусть он яростно гремит над его городом и превратит его страну в наносный холм потопа.

Пусть Забаба — великий витязь, первородный сын Экура, шествующий у меня справа, — разобьет его оружие на месте битвы, пусть он ему обратит день в ночь и пусть над ним поставит его врага.

Пусть Иштар — владычица войны и сражения, обнажающая мое оружие, моя благая богиня-хранительница, любящая мое правление, — проклянет его царство в своем гневном сердце, в своей великой ярости; пусть превратит его благо во зло, пусть разобьет его оружие на месте боя и сражения, пусть определит ему восстание и мятеж; пусть она поразит его воинов и напоит землю их кровью; пусть она набросает в степи груды трупов его бойцов и пусть не проявит жалость к его людям; его самого пусть предаст в руки его врага и приведет его связанным в страну его супостата.

Пусть Нергал — могучий среди богов, несравненный боец, давший мне добиться триумфа, — своей великой силой сожжет его лю-

дей, точно страшный огонь — тростники, пусть он рассечет его своим могучим оружием, пусть раздробит его тело, точно глиняную статую.

Пусть Нинту — высокая княгиня стран, мать, создавшая меня, — лишит его наследника, не даст ему иметь имени в потомстве, не создаст человеческого семени среди его людей.

Пусть Нинкаррак — дочь Анума, благословляющая меня в Экуре, — даст выступить из его членов тяжелой болезни, злой хвори, болезненной ране, которую не исцелить, в которой лекарь несведущ, которую даже перевязкой нельзя успокоить, которую, подобно смертельному укусу, не искоренить, и пусть он оплакивает свою прежнюю мужскую силу, пока его жизнь не угаснет.

Пусть великие боги земли и небес, ануннаки в их совокупности, богохранитель храма и кирпич Эбарры проклянут злым проклятием его самого, его семя, его страну, его бойцов, его людей и его войско.

Пусть Эллиль непреложным речением своих уст проклянет его громкими проклятиями, и пусть они настигнут его тотчас.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ И КИТАЯ

Древняя Индия

Законы Ману

"Законы Ману" (*Манава-дхарма-шастра*, или *Ману-смрити*) – самый известный широкому кругу читателей и наиболее часто используемый специалистами–индологами памятник древнеиндийской литературы и исторический источник. Этот сборник пользовался большим авторитетом у индийцев в древности и в средние века. Традиция, нашедшая отражение и в самом памятнике, приписывает его составление мифическому прародителю людей *Ману*.

Дхармашастра Ману в том виде, в каком она дошла до нас, сложилась во II в. до н.э. – II в. н.э. в науке утвердилась. При том не весь материал, содержащийся в сборнике, может относиться именно к указываемому периоду. Относительно новыми признаются первая и последняя (XII) главы. Из остальных глав более древними считаются II-VI главы.

Публикуется по: *Законы Ману*/ пер. С.Д. Эльмановича, пров. и испр. Г.Ф. Ильиным. М., 1961.

ГЛАВА I

[1. Почтив самосущего Брахму, наделенного неизмеримым блеском, я изложу различные дхармы, объявленные Ману].

1. Великие *риши*¹, приблизившись к Ману². сидевшему углубившись в себя, почтив его должным образом, сказали такую речь:

2. «О божественный! Благоволи сказать нам точно и в должном порядке *дхармы*³ всех [четырех] *варн*⁴ и имеющих смешанное происхождение!»

3. Ибо ты, Владыка, один знаешь истинный смысл обрядов всего непостижимого, неизмеримого предписания Самосущего».

4. Он, обладающий неизмеримым могуществом, так спрошенный теми, обладающими великой душой, должным образом почтив всех тех великих *риши*, ответил так: «Да будет выслушано!».

¹ *Риши* – вдохновенные певцы и святые; им приписываются тексты Веды. Позже словом *риши* называли также прославленных знатоков Веды.

² *Ману* – в преданиях говорится о многих Ману. Первый из них происходил от Брахмы и являлся прародителем всего живого на земле. Ему и приписывается эта *дхармашастра*.

³ *Дхарма* – правило добродетельного поведения человека, соответствующее занимаемому им общественному положению

⁴ *Варна* – досл. "цвет"; замкнутые группы людей, выполняющих различные общественные функции; человек принадлежал к варне от рождения.

...31. А ради процветания миров он создал из своих уст, рук, бедер и ступней [соответственно] *брахмана, кшатрия, вайшия* и *шудру*.

87. А для сохранения всей этой Вселенной он, пресветлый, для рожденных от уст, рук, бедер и ступней установил особые занятия.

88. Обучение, изучение [Веды⁵], жертвоприношение для себя и жертвоприношения для других, раздачу и получение [милостыни] он установил для брахманов.

89. Охрану подданных, раздачу [милостыни], жертвоприношение, изучение [Веды] и неприверженность к мирским утехам он указал для кшатрия.

90. Пастбу скота и также раздачу [милостыни], жертвоприношение, изучение [Веды], торговлю, ростовщичество и земледелие – для вайшия.

91. Но только одно занятие Владыка указал для шудры – служение этим варнам со смирением.

...96. Из живых существ наилучшими считаются одушевленные, между одушевленными – разумные, между разумными – люди, между людьми – брахманы...

99. Ведь брахман, рождаясь для охранения сокровищницы дхармы, занимает высшее место на земле как владыка всех существ.

100. Все, что существует в мире, это собственность брахмана; вследствие превосходства рождения именно брахман имеет право на все это.

101. Брахман ест только свое, носит – свое и дает – свое; ведь другие люди существуют по милости брахмана.

102. С целью определения обязанностей его и остальных мудрый Ману, происшедший от Самосущего, составил эту шастру.

...107. В ней полностью изложена дхарма, добродетельность и грешность деяний, а также извечное правило жизни четырех варн...

ГЛАВА II

...127. Встретив брахмана, пусть спрашивает о счастье, кшатрия – о благоденствии, вайшия – о благосостоянии, шудру – о здоровье...

135. Десятилетнего брахмана и столетнего царя⁶ следует считать отцом и сыном, но из них двоих отец – брахман.

145. Учитель в десять раз почтеннее преподавателя, отец – в сто

⁵ *Веда* – священное писание в брахманизме и индуизме.

⁶ Русским термином “царь” переводчик неточно передаёт значение древнеиндийского термина “*раджа, раджан*” – “монарх, правитель”. Глава большого государства назывался “*махараджа*” – досл. “великий правитель”.

раз [почтеннее] учителя; но мать превосходит почтенностью отца в тысячу раз.

146. Из двух [отцов] – дающего рождение и дающего знание Веды – почтеннее отец, дающий знание Веды; ведь рождение, данное Ведой, вечно [и] после смерти и в этом мире...

155. Старшинство у брахманов [зависит] от знания, у кшатриев – от доблести, у вайшиев – от богатства зерном и только у шудр – от возраста.

ГЛАВА IV

165. Дважды рожденный, [даже] только пригрозив брахману убить его, сто лет пребывает в аду Тамисра.

...167. Человек, пролив по недоразумению кровь несражающегося брахмана, подвергается после смерти величайшему мучению...

...173. Если [наказание падает] не на самого [преступника, то] на сыновей, если не на сыновей, [то] на внуков; но совершенная дхарма не остается без последствий для совершающего [её].

ГЛАВА V

...4. Смерть стремится лишить жизни брахманов вследствие пренебрежения изучением Веды, уклонения от правил доброго поведения, лености и нарушения [правил приема] пищи.

ГЛАВА VII

1. [Теперь] я изложу дхармы царя⁷, какой образ жизни следует вести царю, каково его происхождение и каков [путь достижения] высшего успеха.

2. Кшатрием, получившим посвящение, как предписано Ведой, должна совершаться, как положено, охрана всего этого [мира].

3. Ибо, когда люди, не имеющие царя, расселялись во все стороны от страха, владыка создал царя для охраны всего этого [мира].

...6. Как солнце, он жжет глаза и сердце, и никто на земле не может даже смотреть на него...

...8. Даже [если] царь – ребенок, он не должен быть презираем [думающими, что он только] человек, так как он – великое божество с телом человека.

⁷ *Махараджы* – “великого правителя”.

9. Огонь сжигает только одного человека, неосторожно приближающегося, огонь же царя сжигает семейство со скотом и накопленным имуществом...

...12. Но кто по глупости ненавидит его, несомненно, погибает, ибо царь быстро принимает меры по его гибели.

13. Поэтому пусть [никто] не нарушает дхарму, которую царь установил в пользу желательных для него [людей], и даже дхарму, нежелательную для нежелательных.

24. Накладывающим его [т.е. наказание] объявили царя – правдивого, поступающего осмотрительно, мудрого, знающего [значение] дхармы, [а также] удовольствия (*карна*) и богатства (*артха*).

25. Царь, накладывающий его надлежащим образом, процветает... [но] чувственный, непостоянный и порочный Наказанием же губится...

30. Не может правильно управлять тот, у кого нет друзей, [кто наделен] глупостью, жадностью, необразованностью, приверженностью к мирским утехам.

...37. Царь, встав утром, пусть почитит брахманов, знатоков тройственного знания (*траивидья*)⁸, мудрых в управлении и поступает по их [советам]...

97. Пусть [воины] отдадут лучшую долю царю: так сказано в Веде; не захваченное в отдельности должно быть царём распределено между всеми воинами...

111. Царь, который по недоразумению беспечно мучает свою страну, немедленно лишается вместе с родственниками страны жизни.

133. Царь, даже погибая, пусть не взимает налога с знатока Вед; не должен умереть от голода знаток Вед, живущий в его стране.

144. Высшая дхарма кшатрия — охрана подданных, ибо царь, вкушающий перечищенные плоды⁹, [тем самым] принимает на себя обязательство по исполнению дхармы.

ГЛАВА VIII

1. Царь, желая рассмотреть судебные дела (*вьявахара*), пусть является подготовленным в суд (*сабха*) вместе с брахманами и опытными советниками.

5. Но если царь не делает разбора дел лично, тогда следует назна-

⁸ Знание трёх Вед.

⁹ Имеются в виду налоги, которые правитель собирает с подданных. (см. VII, 127 и далее).

чить ученого брахмана для их разбора.

10. Тот, придя в высокий суд, окруженный тремя судьями (*сабхья*), пусть разбирает дела того [царя], сидя или стоя.

11. То место, где сидят три брахмана, знающие Веду, и назначенный царем ученый брахман, называют “судом Брахмы”.

...20. По желанию царя толкователем дхармы [может быть] брахман, живущий своим происхождением, [но неученый] или только называющий себя брахманом, [хотя его происхождение неизвестно], но шудра – никогда...

ГЛАВА X

1. Три варны дваждырожденных, придерживающиеся своих обязанностей, пусть изучают [Веду], но из них только брахман может обучать [Веде], а не [члены] других двух [варн]: таково решение.

...4. Брахманы, кшатрии и вайшии — три варны дваждырожденных, четвертая же – шудры – рожденные один раз, пятой же нет.¹⁰

ГЛАВА XII

...97. Четыре варны, три мира, четыре *ашрамы*, прошедшее, настоящее и будущее – все проистекает из Веды.

...100. Командование войсками, царской власти (*раджья*), права наказания (*данданетрива*), господства над всем миром заслуживает [только] знающий учение Веды.

...108. Если возникнет [вопрос]: «Как быть, если [что-нибудь] те упомянуто в [сборниках наставлений в] дхарме?» — то, что ученые брахманы объявят, несомненно является дхармой.

...110. Какую дхарму¹¹ ни установит собрание (*паришад*)¹², состоящее из десяти или даже, по крайней мере, из трёх добродетельных, ту дхарму никому не полагается оспаривать.

...126. Дваждырожденный, читающий эту шастру Ману, объявленную Бхригу, всегда пребывает добродетельным и достигает состояния, какого желает.

Такова в дхармашастре Ману, изложенной Бхригу, двенадцатая глава.

На этом дхармашастре Ману окончена.

¹⁰ Но есть пятая категория населения – рабы (*даса*), которые в варны не входили, т.к. считались имуществом.

¹¹ Т.е. норму.

¹² Собрание советников правителя.

ДРЕВНИЙ КИТАЙ

Лао-Цзы.

Лао-цзы (Старый Младенец, Мудрый Старец; (VI век до н. э.) — древнекитайский философ VI-V веков до н. э., которому приписывается авторство классического даосского философского трактата «Дао Дэ Цзин». В рамках современной исторической науки историчность Лао-цзы подвергается сомнению, тем не менее в научной литературе он часто всё равно определяется как основоположник даосизма. В религиозно-философском учении большинства даосских школ Лао-цзы традиционно почитается как божество — один из Трёх Чистых.

Писания о нравственности

2. Святой муж, будучи бездеятельным, распространяет свое учение. Вся тварь повинуется ему и никогда не откажется от исполнения его воли.

Он производит много, но ничего не имеет; делает много, но не хвалится сделанным; совершает подвиги, но их не приписывает себе.

3. Чтобы не было ссор в народе, нужно не уважать мудрецов. ... Святой муж... старается, чтобы народ был в невежестве и без страстей. Также он старается, чтобы мудрые не смели сделать чего-нибудь. Когда все сделаются бездеятельными, то (на земле) будет полное спокойствие...

4. Дао пусто, но когда его употребляют, то, кажется, оно неистощимо.

О, какая глубина! Оно начало всех вещей.

Оно притупляет свое острие, развязывает узлы, смягчает блеск и, наконец, соединяет между собой мельчайшие частицы.

О, как чисто! Оно существует предвечно, но я не знаю, чей оно сын и предшествовало ли первому царю.

5. Небо и земля не суть любвеобильные существа. Они поступают со всеми вещами, как с соломенной собакой...

9. Когда дела увенчаются блестящим успехом и будет приобретено доброе имя, то лучше всего удалиться (в уединение)...

10. Кто любит народ и управляет им, то должен быть бездеятельным.

13. ...Когда мудрец боится управлять вселенной, то ему можно

поручить; когда он сожалеет, что управляет вселенной, то ему можно отдать ее...

21. Высоконравственный повинуется только одному Дао.

Сущность Дао похожа на блеск света.

О, неуловим блеск света! Но в нем есть изображение.

О, как он блестит! Он решительно неуловим, но в нем есть вещество.

О, как призрачно и непостижимо (Дао)! В нем есть сущность, которая достоверна.

От древности до ныне, имя (его) никогда не исчезало.

Я обозрел многие начала, но не знаю, отчего такие начала, а не иные...

25. Дао велико, небо велико, земля велика и, наконец, царь велик.

Итак, в мире существуют четыре величия, одно из которых составляет царь.

Земля несет людей; небо несет землю; Дао несет небо и, наконец, естественность несет Дао...

26. Где легкомысленное движение в народе, там царь легко упразднится.

30. ...Когда нравственный человек управляет (страной), то никогда не прибегает к грубой силе, не ищет тщеславия, не воюет, не гордится ничем, не останавливается нигде и не усиливается...

31. Хотя война ставит, быть может, целью спокойствие, но она несомненное зло.

Если б она была добро, то нужно было бы радоваться ей, но радуется ей лишь любящий убивать людей.

Любящий убивать людей не может осуществить свой добрый замысел в мире...

Когда сделается известной победа, то следует встретить эту весть с траурным обрядом, ибо на войне очень многие погибают.

Так как на войне очень многие погибают, то следует оплакивать войну.

Когда война окончится победою, то следует объявить всеобщий траур.

32. (Каждому) следует знать, где ему нужно оставаться. Кто соблюдает во всем воздержание, тот не будет знать (нравственного) паде-

ния.

Это — Дао, которое существует во всей вселенной. ...

34. О, беспредельно великое Дао!

Оно справа и слева.

Вся тварь появилась на свет благодаря ему; оно не отталкивает ее от себя.

Заслуги Дао велики, но оно ими не хвалится.

Оно промышляет о всех вещах с любовью, но не желает быть господином их.

Все существа подчиняются ему, но оно не считает себя господином их;

поэтому его можно назвать великим. ...

35. (Люди) смотрят на него (Дао), но не видят; они слушают его, но не слышат; они употребляют его, но оно не истощается...

37. Дао ничего не делает, но нет того, чего бы оно не делало, если царь и князь хорошо будут управлять страной, то все существа преобразуются так, как они желают, если все существа придут в сильное движение, то удержу их посредства! безыменной простоты. Безыменная простота не имеет страсти.

41. Когда ученый слышит о Дао, то будет стараться осуществить услышанное (в жизни).

Когда человек средней руки услышит о Дао, то не будет соблюдать его до конца жизни.

Когда малоученый услышит о Дао, то он будет глумиться над ним.

Если бы над ним не глумились, то оно и не заслужило бы имени Дао. Поэтому сказано следующее:

Тот, кто понимает очевидное Дао, кажется облеченным мраком; тот, кто идет вперед, держась Дао, кажется идущим назад; тот, кто на высоте Дао, кажется обыкновенным смертным. ...

У большого четырехугольника не видно углов.

Большой сосуд не скоро делается.

Самый громкий голос не слышен.

Большое изображение не имеет никакой формы.

Дао скрыто от нас, поэтому оно не имеет имени.

Оно снабжает все существа (силой) и ведет их к усовершенствованию.

ванию...

51. Дао производит существа, добродетель кормит их; они дают им вещественную форму, а могущество их совершенствует вещи.

Поэтому все существа почитают Дао и добродетель.

Никто не сообщал Дао его достоинства, а добродетели — ее ценности: но они сами собой вечно обладают ими.

Поэтому Дао производит вещи, питает их, дает им расти, совершенствует, делает зрелыми, кормит и защищает.

Оно производит их и не делает их своими; делает их тем, что они есть, и не хвалится ими; оно царствует над ними и оставляет их свободными.

Вот что называют глубокой добродетелью...

53. Большая дорога (Дао) гладка и ровна, но люди любят ходить по тропинкам...

58. Когда не будет мелочности в управлении государством, то народ обогатится. А когда управление государством мелочно, то народ обеднеет...

59. Для того, чтобы служить небу и управлять людьми, всего лучше соблюдать воздержание. Воздержание — это первая ступень добродетели, которая и есть начало нравственного совершенства...

61. Если правитель страны будет стоять ниже других, то он осуществит свой добрый замысел. Отсюда ясно, что желающий быть великим должен быть ниже всех.

63. Все должны быть бездеятельными. Все должны соблюдать полное спокойствие...

64. Не трудно держать легкую вещь. Легко предотвратить (беду) до явного обнаружения. Слабого легко разбить, мелкого легко рассеять...Святой муж ... повторяет то, что делалось многими. Он будет стараться, чтобы пособить естественному течению вещей, но ни в о каком случае не препятствовать ему.

65. В древности исполнявшие Дао не старались просветить народ: они держали его в невежестве. Причина того, что трудно управлять народом, заключается в том, что народ просвещается и в нем много умных. Когда страна управляется без всякого умствования, то в ней будет благоденствие.

73. Небесное Дао никогда не ссорится, поэтому оно побеждает

всех. Хотя оно мало говорит, но обсуждает лучше, нежели многоречивые. Никто не вызывает (Дао), но оно присутствует везде.

79. Небесное Дао не имеет родственников, поэтому оно всегда склоняется к добрым людям...

81. Небесное Дао полезно: оно не имеет в себе ничего вредного для людей.

Дао святых — творить добро и не ссориться.

Конфуций

Конфу́ций (Кун-цзы, Чжэнчжан; реже - Кун Фу-цзы, ок. 551 до н. э., близ Цюйфу - 479 до н. э., Цюйфу) — древний мыслитель и философ Китая. Его учение оказало глубокое влияние на жизнь Китая и Восточной Азии, став основой философской системы, известной как конфуцианство. Конфуций основал первый университет и систематизировал летописи, составленные в разных княжествах. Учение Конфуция о правилах поведения князей, чиновников, воинов и крестьян распространялось в Китае так же широко, как учение Будды в Индии. Настоящее имя — Кун Цю, но в литературе часто именуется Кун-цзы, Кун Фу-Цзы («учитель Кун») или просто Цзы — «Учитель». Уже в возрасте немногим более 20 лет он прославился как первый профессиональный педагог Поднебесной.

Лунь Юй («Беседы и суждения») — наряду с «И-цзином» и «Дао Дэ Цзином» — один из наиболее знаменитых текстов Восточной Азии (Китай). Главная книга конфуцианства, составленная учениками Конфуция из кратких заметок, фиксирующих высказывания, поступки учителя, а также диалоги с его участием.

Лунь Юй

1.2. ...Благородный муж заботится о корне; когда заложен корень, то рождается и путь, сыновняя почтительность и послушание старшим — не в них ли коренится человечность?

1.3. Учитель сказал: — Человечность редко сочетается с искусными речами и умильным выражением лица...

1.5. Учитель сказал: — Правя уделом, способным выставить тысячу боевых повозок, надо быть тщательным в делах, правдивым, любить людей, экономя средства и побуждать народ к труду в соответствии со сменой сезонов.

2.19. Князь Скорбной Памяти спросил: — Как привести народ к покорности? Конфуций ответил: — Если возвысить и поставить честных над бесчестными, то народ придет к покорности. Если возвышать бес-

честных, над честными, то народ не покорится.

2.20. Благодетельный из Младших спросил о том, как добиться, чтобы народ был почтителен, предан и воодушевлен.

Учитель ответил: – Будь с ним серьезен, и он станет почтителен, соблюдай долг сына и отца, и он будет предан, возвысь способных, и воодушевится.

3.19. Князь Твердый спросил о том, как государь повелевает подданными, а подданные служат государю. Конфуций ответил: – Государь повелевает подданными, соблюдая ритуал; подданные честно служат государю.

3.26. Учитель спросил: – Как мне глядеть-то на того, кто проявляет нетерпимость, будучи правителем, не чувствует благоговения ритуала и не скорбит во время траура?

4.1. Учитель сказал: – Прекрасно там, где человечность. Как может умный человек, имея выбор, в ее краях не поселиться?

4.4. Учитель говорил: – Устремленность к человечности освобождает от всего дурного.

4.5. Учитель сказал: – Знатность и богатство — это то, к чему люди стремятся: если они нажиты нечестно, благородный муж от них отказывается. Бедность и униженность — это то, что людям ненавистно. Если они незаслуженны, благородный муж ими не гнушается. Как может благородный муж добиться имени, если отвергнет человечность? Благородный муж не расстается с человечностью даже на время трапезы. Он непременно с ней, когда спешит, и непременно с ней, когда находится в опасности...

4.10. Учитель сказал: – В делах под Небесами благородный муж ничем не дорожит и не пренебрегает, но следует тому, что справедливо.

4.11. Учитель сказал: – Благородный муж стремится к добродетели, Малый человек тоскует по своей земле; Благородный муж предпочитает быть наказанным. Малый человек надеется на милость...

4.16. Учитель сказал: – Благородный муж постигает справедливость. Малый человек постигает выгоду...

5.16. Учитель говорил о четырех достоинствах Цзычаня, какими обладает благородный муж: – Он вел себя благоговейно, С почтительностью служил высшим, Был благосклонен к простым людям и обходился с ними справедливо...

6.28. Учитель сказал: – Незыблемая середина — эта добродетель наивысшая из всех, но давно уже редка среди людей...

8.13. Учитель сказал: – Будь глубоко правдив, люби учиться, стой насмерть, совершенствуя свой путь. Страна в опасности — ее не посещай, в стране мятеж – там не живи. Когда под Небесами следуют пути, будь на виду, а нет пути – скрывайся. Стыдись быть бедным и незнатным, когда в стране есть путь; стыдись быть знатным и богатым, когда в ней нет пути...

12.4. Сыма Нью спросил о том, каким должен быть благородный муж. Учитель ответил:

— Благородный муж лишен тревоги и боязни.

– Лишен тревоги и боязни – такого только вы и называете благородным мужем? — переспросил Сыма Нью. Учитель пояснил:

– Если не найдешь в себе изъяна, о чем тогда тревожиться, чего бояться?...

12.11. Князь Великий из удела Ци спросил Конфуция о том, в чем заключается управление государством. Конфуций ответил: – Да будет государь - государь, слуга – слугой, отцом – отец и сыном – сын.

– Отлично! Воистину, если не будет государем гос-ударь, слуга слугой, отец отцом и сыном сын, то, пусть бы даже у меня был хлеб, смогу ли я его поесть? – ответил князь.

12.14. Цзычжан спросил о том, в чем состоит управление государством. учитель ответил: [с. 116] — Когда руководишь, забудь об отдыхе. А выполняя поручение, будь честен.

12.17. Благодетельный из Младших спросил Конфуция о том, в чем заключается правление. Конфуций ответил: – Правление есть исправление! Кто же посмеет не исправиться, когда исправитесь Вы сами!?

12.19. Благодетельный из Младших, беседуя с Конфуцием об управлении государством, спросил: – Что если казнить беспутных ради сближения с теми, у кого есть путь? Конфуций ответил:

– В Ваших руках бразды правления, зачем же Вам казнить? Вам стоит лишь увлечься самому хорошими делами, и весь народ тотчас же устремится ко всему хорошему. У благородного мужа добродетель – ветер, у малых же людей она – трава; склоняется трава вслед ветру.

13.1. Цзылу спросил о том, что значит быть правителем. Учитель

отвечал: – Побуждай к усердию своим примером. Когда Цзылу попросил дальнейших разъяснений. Учитель сказал: – Не знай отдыха.

13.2. Чжунгун стал управляющим у Младших и спросил о том, что значит быть правителем. Учитель ответил: – Будь примером для своих подданных, не вини за малые проступки, выдвигай достойных и способных.

– А как узнать достойных и способных, чтобы их возвысить? – спросил Чжунгун. Учитель ответил:

– Возвысь тебе известных, А тех, кого не знаешь, – отринут ли другие.

13.4. Когда правитель любит ритуал, никто в народе не осмелится быть непочтительным; когда правитель любит справедливость, никто в народе не осмелится быть непослушным; когда правитель любит правду, никто в народе не посмеет быть нечестным. И если будет так, то отовсюду станет прибывать народ, неся с собою на спине своих детей.

13.6. Учитель сказал: – Когда ведешь себя правильно, то за тобой пойдут без приказа; когда же ведешь себя неправильно, то не послушают, хоть и прикажешь.

13.16. Князь Шэ спросил, что значит управление государством. Учитель ответил: – Это когда радуются те, что близко, И приходят те, что далеко.

13.19. Фань Чи спросил о том, что составляет человечность. Учитель ответил: – Держать себя с почтительностью дома, Благоговейно относиться к делу и честно поступать с другими. От этого нельзя отказываться, Даже когда едешь к варварам...

13.25. Учитель сказал: – Легко служить, когда правит благородный муж, но угодить ему непросто. Ему не угодить, если угождать, не следуя пути. Когда же он руководит людьми, то исходит из талантов каждого.

Трудно служить, когда правит малый человек, но угодить ему легко. Ему можно угодить, если даже угождать, не следуя пути. Когда же он руководит людьми, то крайне к ним взыскателен...

14.3. Учитель говорил: – Когда в стране есть путь, Будь прям в поступках и речах; Когда в ней нет пути, Будь прям в поступках, в речи осторожен...

14.34. Кто-то спросил: – Что если за зло платить добром? Учитель

ответил: – А чем же за добро платить? Плати за зло по справедливости, А за добро плати добром...

14.41. Учитель сказал: – Когда правитель любит ритуал, ему легко повелевать народом.

14.42. Цзы Лу спросил о том, что значит быть благородным мужем. Учитель ответил: – Это значит совершенствовать себя с благоговением.

– И это все?

– Совершенствовать себя, чтобы тем самым обеспечить благоденствие других.

– И это все?

– Совершенствовать себя, чтобы тем самым обеспечить благоденствие народа...

15.9. Учитель говорил: – Мужчины высоких помыслов и те, кто полны человечности, не согласятся ради сохранения своей жизни нанести вред человечности, но могут лишь пожертвовать собой, чтобы до конца быть человечными...

15.15. Учитель говорил: – Когда строги к себе и снисходительны к другим, не вызывают злобы...

15.18. Учитель сказал: – Благородный муж видит в справедливости неприкрашенную суть. Ритуалы используются, чтобы воплотить ее в поступках, смиренность – чтобы дать ей проявиться, а искренность – чтобы достичь в ней совершенства. Благородный муж именно такой! ...

15.22. Учитель говорил: – Благородный муж, сознавая свое превосходство, никому его не показывает, он легко сходится с людьми, но остается беспристрастным. [с. 139]...

15.37. Учитель заметил: – Благородный муж тверд в принципах, но не упрям...

17.6. Цзычжан спросил Учителя о том, что такое человечность. Конфуций ответил: – Тот будет человечен, кто сможет воплотить повсюду в Поднебесной пять достоинств.

- Можно спросить, каковы они?

- Почтительность, великодушие, правдивость, сметливость, доброта. Почтительность не навлекает унижений, великодушие покоряет всех, правдивость вызывает у людей доверие, сметливость позволяет достигать успеха, а доброта дает возможность повеле-

вать людьми...

20.2. Цзычжан спросил Конфуция: — Каковы условия участия в управлении страной? Учитель ответил:

- Если относиться с почитанием к пяти достоинствам и устранять четыре недостатка, то можно принимать участие в правлении.

— Что значит пять достоинств? — спросил Цзычжан. Учитель ответил:

— Благородный муж, оказывая милость, не несет расходов; не вызывая злобы у людей, когда заставляет их трудиться; его желания несовместимы с жадностью; он полон величавости, но чужд высокомерия; он грозен, но в нем нет свирепости.

— Что значит: «оказывая милость, не нести расходов?» — спросил Цзычжан;

Учитель ответил: — Благодетель народу, используя все то, что приноса ему выгоду, — это ли не милость, не требующая расходов? Если для людей, которых заставили трудиться, выбирать посильный труд, то у кого из них возникает злоба? Когда стремятся к человечности и добиваются ее, откуда может взяться жадность? Благородный муж не смеет проявить пренебрежение, имеет ли он дело с многочисленным или немногим, великим или малым, — это ли не величавость без высокомерия? Благородный муж носит надлежащим образом шапку и платье, его взор полон достоинства, он так внушителен, что люди, глядя на него, испытывают трепет, — он ли не грозен без свирепости?

— Что значит четыре недостатка? - спросил Цзычжан.

— Учитель ответил: — Казнить тех, кого не наставляли, значит быть жестоким; требовать исполнения, не предупредив заранее, медлить с приказом и при этом добиваться срочности, значит наносить ущерб; и в любом случае скупиться, оделяя чем-либо людей, значит поступать казенно.

Шан Ян

Основные идеи древнекитайского легизма изложены в трактате IV в. до н. э. "Шан цзюнь шу" ("Книга правителя области Шан"). Ряд глав трактата написан самим Гун-сунь Яном (390—338 гг. до н. э.), известным под именем Шан Ян. Этот видный теоретик легизма и один из основателей школы "законников" (фацзя) был правителем области Шан во времена циньского правителя Сяо-гуна (361—338 гг. до н. э.).

Книга правителя области Шан¹

1. [Сяо] гун спросил Гунсунь Яна: «Допустим, кто-то установит сегодня законы и предписания и пожелает, чтобы уже к утру следующего дня чиновники и народ Поднебесной все как один усвоили и придерживались их, отказавшись от собственных [суждений]. Что следует предпринять для этого?»

Гунсунь Ян ответил: «Для [успешного] осуществления законов и предписаний надлежит назначить высших и низших чиновников, способных понять существо законов и предписаний, дабы руководствоваться всем этим при управлении Поднебесной. [Чиновники] должны быть представлены сыну неба, дабы он смог научить их ведать законами и предписаниями. Когда они получают указания от сына Неба, они отправятся к месту своей службы. Если кто-либо из чиновников, ведающих законами и предписаниями, даст ошибочное толкование какой-либо статьи, надлежит наказать его на основании [неверно истолкованной] статьи. Если кто-либо из чиновников, ведающих законами и предписаниями, будет переведен [на новую должность] или умрет, на его место необходимо назначить другого и обязать его заучить то, что сказано в законах. Надлежит назначить ему определенный срок для заучивания законов, дабы успел он за это время овладеть определенной нормой [знаний]: ежели же он не овладеет этой нормой [знаний], наказать [его] по всей строгости закона.

Осмелившегося [самочинно] нарушить текст установленных законов и предписаний, соскоблить или добавить один или более иероглифов, приговаривать к смертной казни без [права] на помилование. Ежели кто-либо из высших или низших чиновников или из народа ста-

¹ Авторский текст, не структурированный в оригинале, разбит на параграфы для удобства пользования.

нет обращаться за разъяснением какого-либо закона или предписания, чиновники, ведающие законами и предписаниями, обязаны каждому из них дать четкий и ясный ответ на заданные вопросы. Они должны каждый раз на бирке длиной в один чи и шесть цуней четко записывать год, месяц, день и час, когда к ним обратились с вопросом, а также название закона или предписания, о котором их спрашивали, и оповестить об этом чиновников и народ. Если чиновник, ведающий законами и предписаниями, не оповестит [чиновников и народ], то его следует наказывать, согласно тем законам и предписаниям, о которых его спрашивали. Чиновники, ведающие законами и предписаниями, обязаны немедленно передать левую половину документа должностным лицам, спрашивавшим о [смысле] данного закона и предписания; правую же часть документа они должны хранить в деревянных ящиках в специальном помещении, опечатанном печатью старшего чиновника. Если [чиновник, ведающий законами и предписаниями], умрет, то все дела должны вестись на основании списков [законов и предписаний, хранящихся в ящиках]. Все законы и предписания [должны] храниться вместе.

Один экземпляр законов и предписаний должен храниться во дворце сына Неба. С этой целью следует выстроить запретное здание, которое надлежит запирать на замок, дабы не допускать [никого], и опечатывать. Сами экземпляры [законов и предписаний], хранящиеся в этом запретном здании, также должны быть опечатаны печатями. Всякий, осмелившийся без разрешения сломать печать на запретном здании, а также проникнуть в это здание, взглянуть на запретные законы и распоряжения и самовольно изменить хотя бы один иероглиф текста или более, будет непременно приговорен к смертной казни без права помилования. Приказы и предписания [чиновники и народ] получают ежегодно строго в соответствии [с образцами], хранящимися под запретом.

Сын Неба назначает трех высших чиновников-законников: одного в [ведомство] дворца, второго совместно с низшими чиновниками-законниками в [ведомства] юйши и третьего — к первому советнику сына Неба. В округах и уездах царей [надлежит] назначать по одному высшему, а также [несколько] низших чиновников-законников по образцу, существующему в [царстве] Цинь. Начальники округов, уездов и сами цари должны изучить законы и предписания, хранящиеся в за-

претном здании, и [знать], о чем в них говорится. Если кто-либо из их чиновников или народа захочет уяснить смысл закона или предписания, он должен обратиться за разъяснениями к высшим чиновникам-законникам. И тогда во всей Поднебесной среди чиновников и народа не найдется ни одного, не знакомого с законами. Когда низшие чиновники [-законники] убедятся, что народ усвоил законы и предписания, [другие] чиновники не решатся на беззаконие в отношениях с народом, а сам народ не посмеет нарушать законы, ибо ему придется тогда иметь дело с высшими чиновниками-законниками.

2. Ежели в государстве царит смута, то это не потому, что законы не упорядочены, и не оттого, что они не соблюдаются, — законы имеются в каждой стране, но нигде нет закона, обеспечивающего непрерывное осуществление законов. В каждом государстве имеются законы, карающие за преступление и воровство, но нет закона, обеспечивающего непрерывную поимку преступников и грабителей. Ежели преступников и грабителей подвергать смертной казни и если преступления и воровство все равно не прекратятся, то это оттого, что их не всегда ловят. Если же их всегда ловят, но в стране по-прежнему появляются [новые] преступники и воры, то это оттого, что наказания слишком мягки. Коль наказания мягки, невозможно искоренить преступность; ежели всех преступников будут всегда ловить, то наказанных будут толпы. Поэтому умелый правитель карает недостойных, но и не награждает достойных. Тем самым, не прибегая к [массовым] наказаниям, он превращает всех людей в достойных. Людей можно сделать достойными без [массовых] наказаний, коль наказания суровы. Коль наказания суровы, люди не осмелятся нарушать [законы]. Поэтому наказания отомрут. А если люди не решатся на дурные поступки, то в каждой стране все будут вести себя достойно.

3. Если государством [управляют] при помощи добродетельных методов, в нем непременно появится масса преступников.

Если наказания суровы, а награды незначительны, — правитель любит народ, и народ готов отдать жизнь за правителя, Если же награды значительны, а наказания мягки, — правитель не любит народ, и народ не станет жертвовать жизнью ради правителя. Если процветающее государство применяет наказания, народ извлекает выгоду и боится [правителя], если оно применяет награды, народ извлекает выгоду и

любит [правителя]...

В стране, добившейся владычества [в Поднебесной], на каждые девять наказаний приходится одна награда; в сильной стране, обреченной на гибель, на каждые пять наказаний приходится пять наград...

В государстве, где наказаниями избавляются от [новых] наказаний, воцаряется порядок; в государстве, где наказания вызывают [новые] наказания, воцаряется смута. Поэтому и говорят: «Коль наказываешь, то карай сурово за мелкие проступки», и тогда исчезнут наказания, дела увенчаются успехом, а государство усилится. Если сурово карать за тяжкие преступления и легко за мелкие проступки, возрастет число наказаний, появятся неурядицы, и государство будет расчленено. Наказания порождают силу, сила порождает могущество, могущество порождает величие, вселяющее трепет, а величие, вселяющее трепет, порождает доброту. Доброта исходит от силы...

4. Народ стремится к порядку, но своими действиями вызывает беспорядок; если в стране [уже] возникла смута и [правитель] хочет навести порядок, он лишь усилит беспорядок. Поэтому наводить порядок в стране следует еще до того, как вспыхнут беспорядки, — тогда в стране сохранится порядок; если же порядок будет наводиться, когда беспорядки уже вспыхнули, - в стране останется беспорядок.

Люди по своей сути стремятся к порядку, однако действия их порождают беспорядок. Поэтому там, где людей сурово карают за мелкие проступки, проступки исчезают, а тяжким [преступлениям] просто неоткуда взяться. Это и называется «наводить порядок еще до того, как вспыхнут беспорядки». Там, где людей сурово карают за тяжкие преступления и мягко наказывают за мелкие проступки, не только нельзя будет пресечь тяжкие преступления, но и невозможно будет предотвратить мелкие проступки. Это и называется «наводить порядок, когда в стране уже вспыхнули беспорядки». Поэтому, если сурово карать за мелкие проступки, исчезнут сами наказания, дела в стране будут развиваться успешно, и государство станет сильным. Если же сурово карать за тяжкие преступления и мягко наказывать за мелкие проступки, то, наоборот, возрастет число наказаний, возникнут неурядицы, и государство будет расчленено...

Наказания порождают силу, сила порождает могущество, могущество порождает величие, вселяющее трепет, а величие, вселяющее

трепет, порождает добродетель. Итак, добродетель ведет свое происхождение от наказания. Поэтому, если наказаний много, то награды весомы, если наград мало, то наказания весомы...

В образцово управляемом государстве много наказаний и мало наград. <В государстве же, где отсутствует какой-либо порядок, много наград и мало наказаний>. Поэтому в [государствах, стремящихся к] владычеству в Поднебесной, каждым девяти наказаниям соответствует одна награда, а в [государствах, обреченных на] расчленение, каждым девяти наградам соответствует одно наказание.

Ныне в зависимости от тяжести проступков применяются мягкие и суровые наказания, и, судя по заслугам, даются щедрые и скромные награды, Эти два [метода наказаний и поощрений] широко применяются в наш век. Если наказания будут применяться уже после того, как преступление совершено, невозможно искоренить злодеяния; если люди будут награждаться лишь за то, что считается справедливым, проступки не исчезнут. А там, где наказаниями невозможно пресечь злодеяния, а наградами проступки, неизбежна смута. Поэтому стремящийся к владычеству в Поднебесной должен наказывать еще до того, как совершен проступок, тогда исчезнут и тяжкие преступления. Когда станут награждать людей, сообщивших о злодеяниях, то не ускользнут даже самые мельчайшие проступки. Если, управляя народом, можно будет достичь такого положения, когда исчезнут тяжкие преступления, а мельчайшие проступки не будут оставаться незамеченными, то в государстве будет царить порядок, а коль в государстве порядок, оно непременно будет могучим. ...Когда этот метод будет распространен на всю Поднебесную, то будет восстановлена добродетель. Таков мой [метод] возврата, к добродетели путем смертных казней и примирения справедливости с насилием...

5. То, что называют «установить единые [правила] наказаний», означает: ранги знатности не спасают от наказаний. Всякий, кто ослушается приказа царя, нарушит государственный запрет либо выступит против порядков правителя, должен быть казнен, и к нему нельзя проявлять ни малейшего снисхождения, независимо от того, будь он первым советником царя, полководцем, сановником [в ранге] да фу или простолюдином. Если человек, имевший заслуги в прошлом, провинится, нельзя смягчать наказания только потому, что у него были заслуги;

если человек, известный своими добродетельными поступками в прошлом, совершит какой-либо проступок, нельзя преступать законы, даже если в прошлом человек совершал добродетельные поступки. Если преступление совершит преданный сановник или примерный сын, он должен быть судим [без малейшего снисхождения] в соответствии с тяжестью [преступления]. Если среди чиновников, которые обязаны соблюдать закон и нести служебные обязанности, найдутся не выполняющие царские законы, им не избежать смертной казни, [более того, наложенное на них] наказание распространяется на три [категории их] родственников.

6. Чиновников-сослуживцев, которые, [узнав о преступлении], доносят правителю, надлежит освободить от наказаний. Независимо от того, является ли сообщивший знатным или человеком низкого происхождения, он полностью наследует должность, ранг знатности, поля и жалование того старшего чиновника, [о проступке которого он сообщит правителю]. Поэтому и говорится: «Ежели сделать суровыми наказания, установить [систему] взаимной ответственности за преступления, то люди не решатся испытывать [на себе силу закона], а когда люди станут бояться подобных испытаний, исчезнет [потребность] и в самих наказаниях».

Прежние правители вводили смертную казнь, вырезание коленных чашечек и клеймение, [но все это] не во вред народу, а ради пресечения зла и преступлений, ибо нет лучшего средства пресечь зло и преступления, нежели суровые наказания. Если наказания суровы и каждый неизбежно получает то, что заслужил, народ не осмелится испытывать [на себе силу закона], и тогда в стране исчезнут осужденные. О государстве, где нет осужденных, говорят: «Если наказания ясны, исчезнет смертная казнь»...

7. ...Ежели войной можно уничтожить войну, то позволительна даже война; ежели убийством можно уничтожить убийство, то разрешены даже убийства; если наказаниями можно уничтожить наказания, то допустимы даже суровые наказания...

В могущественном государстве отец, отправляя на войну сына, старший брат — младшего, а жена — мужа, напутствуют их одинаково: «Не возвращайся без победы!», и добавляют: «Ежели нарушишь закон или ослушаешься приказа, то вместе с тобой погибнем и мы». Когда

волостью управляют как следует, то бежавшему из армии некуда скрыться, а тем, кто захочет переселиться, некуда податься... На войне каждые пять человек объединяются в пятки, если один из них будет убит, то обезглавят остальных четверых.

8. ...Иметь законы и в то же время не иметь возможности покончить с беспорядком - все равно, что не иметь законов. Действительно, нет большей выгоды для жителей [Поднебесной], нежели порядок, и нет более твердого порядка, нежели порядок, установленный самим правителем. Путь, благодаря которому можно стать правителем, - всемерное возвеличивание закона. Для того чтобы сделать закон всемогущим, нет более насущной задачи, нежели искоренение преступлений, а для искоренения преступлений нет более глубокой основы, нежели суровые наказания. Поэтому стремящиеся к владычеству [в Поднебесной] запрещают наградами и поощряют наказаниями; выискивают проступки и не ищут хороших деяний; применяют наказания для искоренения наказаний...

Порядок в государстве достигается тремя путями: законом, доверием, властью. Закон — это то, чего сообще придерживаются правитель и сановники. Доверие — это то, что сообще устанавливают правитель и сановники. Власть — это то, чем распоряжается лишь один правитель.

Если правитель выпустит [из своих рук власть], ему грозит гибель. Если правитель и сановники пренебрегают законом и действуют, исходя из личных побуждений, неизбежна смута. Поэтому, если при введении закона проводится четкое разграничение [прав и обязанностей] и при этом запрещается нарушать закон в корыстных целях, будет достигнуто хорошее правление...

...Совершенномудрые, вводя законы и предписания, непременно учреждали высших и низших чиновников, дабы способствовали [они превращению законов и предписаний] в наставников Поднебесной; так закреплялись права и обязанности. Когда права и обязанности закреплены, то даже хитрые становились преданными и честными, все люди становились почтительными и искренними, каждый сам управлял собой. Закрепление прав и обязанностей — таков путь к порядку, если же эти права и обязанности не закреплены, то открывается путь к смуте. Поэтому там, где существует стремление к порядку, смута невозможна; а там, где существует стремление к смуте, порядок невозможен. И дей-

ствительно, когда существует стремление к смуте, и [кто-то] пытается навести порядок, то это ведет к еще большей смуте; когда же существует стремление к порядку, и [кто-то] пытается навести порядок, порядок обеспечен. Итак, Совершенномудрые правители управляют [страной] в условиях, способствующих порядку, а не смуте...

Надзор за осуществлением [законов] должны вести высшие и низшие чиновники-законники, они руководят [народом] и разъясняют ему [суть законов]. И тогда все десять тысяч человек узнают, как избежать опасности и как достичь богатства, и каждый будет сам управлять собой. Поэтому умный правитель добивается, чтобы [каждый сам научился] управлять [своими поступками], а затем уже начинает управлять всеми, и тогда в Поднебесной воцарится великий порядок.

9. Если красноречивые <будут в почете>, то не будет закона. Если обстоятельства таковы, то как могут не быть многочисленными [занятия, которые] люди считают главными, и как земля их не будет превращаться в пустошь, зарастая сорняками? Если в государстве есть десять [паразитов]: Ши цзин, Шу цзин, ли, музыка, добродетель, почитание старых порядков, человеколюбие, бескорыстие, красноречие, острый ум, правитель не сможет найти ни одного человека, которого он смог бы использовать для обороны или [наступательной] войны. То государство, в котором стремятся установить хорошее управление с помощью этих десяти [паразитов], будет расчленено, [как только] явится враг; [а если даже] враг и не явится, оно непременно будет бедным...

Обычно добивающийся хорошего управления беспокоится, как бы народ не оказался рассеян, и тогда невозможно будет подчинить его какой-то одной [идее]. Вот почему совершенномудрый добивается сосредоточения [всех усилий народа] на Едином, дабы объединить [его помыслы]. Государство, добившееся сосредоточения [всех усилий народа] на Едином хотя бы на один год, будет могущественно десять лет; государство, добившееся сосредоточения [всех усилий народа] на Едином на десять лет, будет могущественно сто лет; государство, добившееся сосредоточения [всех усилий народа] на Едином на сто лет, будет могущественно тысячу лет; а тот, кто могуществен тысячу лет, добьется владычества [в Поднебесной]. Правитель совершенствует [метод] поощрений и наказаний и при его помощи подкрепляет свои наставления [о необходимости] сосредоточения [всех усилий народа] на

Едином. Поэтому его наставления становятся незыблемыми, а правление протекает успешно...

10. ...Если ныне люди станут объединяться в группы единомышленников, давать советы и рассуждать о государственных [делах], в стране появится множество [различных теорий]. Мелкий люд будет рад этому, а большие люди будут довольны этим. Поэтому там сократится численность земледельцев и резко возрастет число бродячих нахлебников. [Если бродячие нахлебники] многочисленны, земледельцы ленивы, а если земледельцы ленивы, поля зарастают сорными травами. Если быть ученым станет обычаем, то люди забросят земледелие и увлекутся спорами, высокопарными рассуждениями и ложными теориями. Забросив земледелие, они [превратятся] в странствующих нахлебников, и будут пытаться превзойти один другого в словесных диспутах. Тогда народ отдалится от правителя, появятся толпы людей, не подвластных ему. Такое учение ведет к обнищанию государства и ослаблению армии. Действительно, в государстве, где используют лишь людей, произносящих [пустые] речи, народ не будет любить земледелие. Таким образом, только умный правитель понимает, что любовь к рассуждениям не способна укрепить армию и расширить границы. Лишь совершенномудрый, хорошо управляя страной, [добивается] сосредоточения [помыслов народа] на Едином и объединяет [усилия] всех только в земледелии.

11. Государь молвил: «... Ныне я хочу изменить законы, дабы добиться образцового правления; изменить ли, дабы [по-иному] наставлять народ, но опасаюсь, что Поднебесная осудит меня».

Гуньсунь Ян ответил: «Я слышал, что тот, кто колеблется, [не зная] как поступить, [ничего] не достигает, а тот, кто нерешителен в делах, не добьется успеха. Государь, скорее утвердитесь в мысли об изменении законов и [вам] не следует обращать внимания на то, что Поднебесная может осудить это. ... Закон — это выражение любви к народу; ли — это то, что благоприятствует [заведенному течению] дел. Поэтому если совершенномудрый может при помощи [законов] сделать сильным [свое] государство, то он не берет за образец [порядки] древности, и если он может благодаря [законам] принести пользу народу, то он не следует ли».

Гань Лун сказал: «Нет, это не так. Я слышал, что совершенно-

мудрый наставляет народ, не изменяя [обычаев], умный [добивается] хорошего управления, не изменяя законов. Тем, кто наставляет народ, сообразуясь с его желаниями, успех будет достигнут без труда; у того, кто [добивается] хорошего управления, придерживаясь [установившихся] законов, чиновники опытные, а народ пребывает в спокойствии. Ныне если вы измените законы и не будете следовать старым [порядкам] циньского государства; измените ли и станете [по-иному] наставлять народ, я опасаюсь, что Поднебесная осудит вас, государь. Хочу, чтобы вы разобрались в этом».

Гунсунь Ян ответил: «Вы высказали мнение, широко распространенное в наш век. Действительно, простые люди привыкли к старым обычаям, а образованные погрязли в том, что они знают [о древности]. Эти две категории людей [способны] лишь занимать должности и блюсти законы, однако они не способны обсуждать [вопросы], выходящие за рамки [старых] законов. Три династии достигли верховенства в Поднебесной, [придерживаясь] различных ли, а пять гегемонов добились господства, [применяя] различные законы. Поэтому мудрый творит законы, а глупый ограничен ими; одаренный изменяет ли, а никчемный связан ли. С человеком, который связан ли, не стоит говорить о делах; с человеком, который ограничен [старыми] законами, не стоит говорить о переменах. Государь! Вам не следует колебаться»...

Ныне правители стремятся наладить управление народом, но своими действиями они вызывают лишь беспорядки. Все это происходит отнюдь не оттого, что им нравятся беспорядки, а оттого, что они придерживаются древности и не учитывают [нужд] времени. Правитель [слепо] следует древности и [невольнo] собирает все ее недостатки, подданные [слепо] следуют современности и не понимают, что со временем следует изменять и сами [законы]; они не понимают, что в наш век меняются обычаи, не вникают в чувства народа, которым хотели бы хорошо управлять...

Совершенномудрый при управлении государством никогда не берет за образец древность и в то же время не следует [слепо] и современности, он добивается хорошего управления государством, исходя из [нужд] времени, вводит законы, учитывая обычаи. Ибо ежели законы будут вводиться без учета природных чувств людей, то они не достигнут успеха; но ежели хорошее управление будет осуществляться в со-

ответствии с [нуждами] времени, исчезнет смута. Итак, управление совершенномудрого царя заключается в следующем: внимательно вникать в стремления [народа] и направлять все [его] помыслы на Единое.

12. В те времена, когда возникли небо и земля и появились люди, люди знали своих матерей, но не знали своих отцов. Любовь к родственникам и корыстолюбие — таков был их Путь. Так как они любили только своих родственников, то стали отделять [своих от чужих], а корыстолюбие породило коварство. Люди множились, но так как они были охвачены стремлением отделять [своих от чужих] и корыстолюбием, то среди них воцарилась смута. В те времена люди уже стремились к превосходству над другими и пытались подчинить друг друга силой. Стремление к превосходству порождало ссоры, а попытки подчинения силой порождали споры. Были споры, но не было меры [их разрешения], поэтому никто уже не мог жить [спокойно]. И тогда мудрые установили справедливые меры и привили бескорыстие, так что народ проникся человеколюбием. В эти времена была отвергнута любовь к родственникам, установилось почитание мудрых. Путь человеколюбивых — любовь, а Путь мудрых — стремление превзойти друг друга.

Люди множились, но не было узаконения, а так как [они] шли по пути человеколюбия и стремились превзойти друг друга, возникла смута. Поэтому, когда совершенномудрый принял правление, он первым делом установил разграничения, касающиеся земли, имущества, мужчин и женщин. Когда было проведено разграничение, невозможно было обойтись без узаконения, поэтому [совершенномудрый] ввел запреты. Когда же были введены запреты, невозможно было обойтись без тех, кто ведал бы их осуществлением, поэтому он учредил должности чиновников. Когда были учреждены должности чиновников, невозможно было обойтись без того, кто бы объединил их всех, поэтому [совершенномудрый] поставил [над всеми] государя. Когда же был поставлен государь, то было отвергнуто почитание мудрых, и установилось почитание тех, кто занимает высокое положение.

Итак, в древние века любили своих родственников и почитали корысть; в средние века почитали мудрых и радовались человеколюбию, а в позднейшие века стали ценить тех, кто занимает высокое положение, и почитать должности. Почитание мудрых означает, что истинным путем считается стремление превзойти друг друга [достоин-

ствами], но когда появляется государь, исчезает нужда в мудрых. Любовь к родственникам означает, что корысть считается истинным путем, но когда установлены справедливые меры, они препятствуют распространению корысти. [Поведение людей] в эти три [периода] не было противоречивым. Люди исчерпали свой Путь, надлежало изменить его. Вслед за изменениями, происходившими в веках, необходимо изменять и сам Путь. Поэтому и говорят: «Путь правителя должен иметь единое мерило»...

В древности люди жили все вместе и у них не было никакого порядка, поэтому-то они и запросили себе верховного правителя. Конечно, Поднебесная была довольна появлением верховного правителя, так как он навел порядок в стране...

В древности, еще до того как появились правители и сановники, высшие и низшие, не было порядка меж людьми и никто не управлял ими. Поэтому совершенномудрые разделили людей на знатных и простых, установили ранги знатности и должности, ввели наименования и титулы, дабы можно было отличить правителя от сановников, высших от низших. Так как земли были обширны, люди — многочисленны, дела — неисчислимы, то [совершенно-мудрые] разделили управление страной между пятью ведомствами и наблюдали [за их делами]. Поскольку люди были многочисленны, возникли разврат и порок, поэтому ввели законы и установления, дабы можно было определять меру [преступлений] и пресекать их. Именно тогда-то и возникла справедливость [в отношениях] правителя и сановников, произошло разграничение [функций] пяти ведомств, появились запреты, наложенные законами и установлениями, — всему этому нужно было уделять внимание.

13. Ныне в пределах границ народ и те, кто имеет казенные должности и ранги знатности, видят, что должности и ранги знатности можно получить у двора при помощи ловких речей и [пустых] рассуждений. Добиться казенных должностей и рангов знатности обычным путем невозможно. Поэтому, входя [но дворец], обманывают правителя, [говоря угодные ему речи], а покидая [дворец], помышляют лишь о собственной выгоде. Стремясь извлечь выгоду (они) торгуют своей честью [наживаясь за счет] нижестоящих. Когда обманывают правителя, (говоря угодные ему речи), и помышляют лишь о своих собственных интересах, это не приносит никакой выгоды государству; те, кто так поступа-

ет, делают -это ради рангов знатности и жалованья. Те, которые торгуют своей властью, [наживаясь за счёт] нижестоящих, не являются чиновниками: те, кто так поступает, делают это, домогаясь подарков. Поэтому все чиновники, стремящиеся получить повышение по службе. говорят. «Если мы (получим) много подарков, то сможем мечтать о высоких казенных должностях». Они также говорят: «Домогаться повышения, не услужив подарками вышестоящим, все равно, что использовать кота как приманку для крыс, что совершенно безнадежно. Домогаться повышения, угождая вышестоящим честной службой, все равно, что измерять прямизну кривой доски с помощью разорванного отвеса. Так как при помощи этих двух методов невозможно добиться повышения, то нам ничего не остаётся, как вымогать, подарки у народа для услужения вышестоящим и таким путем добиваться повышения по службе»...

14. Если должности предоставляются по определенной системе, - государство управляется хорошо. ...А ныне, когда государь назначает на должности в зависимости от таланта и способности мыслить, люди с острым умом, учитывая, нравится или не нравится это правителю, заставляют чиновников решать дела, льстя правителю. В итоге - отсутствие определенной системы назначения на должности, отсутствие порядка в самой стране...

На государство, которое любит силу, трудно напасть, а государство, на которое трудно напасть, непременно добьется процветания. Легко нападать на страну, где поощряют красноречие, а государство, на которое легко нападать непременно окажется в опасности.

15. Совершенномудрые и умные правители являются таковыми не оттого, что они способны разбираться во всех явлениях до мельчайших подробностей а потому, что они постигли сущность всех явлений. [Секрет] их хорошего управления страной заключается в присущей им способности отобрать самое существенное...

16. Говорят, что: «Господства [в Поднебесной] добивается такая страна, где на сто человек, занятых в земледелии, приходится один бездельник; могущественной является страна, где на десять занятых в земледелии приходится один бездельник; и в угрожающем положении находится та страна, в которой половина народа занята в земледелии, а половина бездельничает». ...

Совершенномудрый знает, что составляет сущность хорошего

управления государством, поэтому он заставляет людей вновь обратиться все свои помыслы к земледелию. А когда все помыслы обращены к земледелию, то люди просты и ими можно легко управлять. Когда [народ] в смятении, им легко повелевать. Когда [народ заслуживает] доверия, его можно использовать для обороны и [наступательной] войны. Когда [все усилия людей] будут сосредоточены на Едином, они станут меньше лгать и не будут стремиться переселяться с места на мест: если [все усилия людей] сосредоточены на Едином, то можно будет устремлять их [в нужном направлении] наградами и наказаниями. Когда [все помыслы людей] сосредоточены на Едином, то [их] можно будет использовать вне страны.

Действительно, когда люди будут заняты с утра до вечера в земледелии, то они полюбят правителя [как родного] и будут готовы жертвовать жизнью ради выполнения его приказов. [Однако] людей действительно нельзя будет использовать, если они увидят, что красноречивым и странствующим ученым удастся добиться личного почета на службе у правителя: что, занимаясь торговлей, можно обогатить семьи, занимаясь [различными] ремеслами, можно прокормиться ими. Если люди увидят, как хорошо живут и какую выгоду извлекают эти три [категории населения], они непременно станут уклоняться от земледелия. Если люди станут уклоняться от земледелия, то они будут с легким сердцем покидать насиженные места. А [если народ] не задумываясь оставляет насиженные места, то уж он ни за что не станет рад» правителя оборонять страну или идти в бой...

17. Если государством [управляют] при помощи добродетельных методов, в нем непременно появится масса преступников...

Если [управлять] людьми как добродетельными, они будут любить своих близких; если же [управлять] людьми как порочными, они полюбят эти порядки. Сплоченность [людей] и взаимная поддержка [проистекают оттого, что ими] управляют как добродетельными; разобщенность людей и тайная слежка [проистекают оттого, что ими] управляют словно порочными. Там, где [к людям относятся] как к добродетельным, проступки скрываются: там же, где [к людям относятся] как к порочным, преступления жестоко даются. Когда проступки скрываются, — народ победил закон; когда же преступления строго наказуются, — закон победил народ.

Раздел 3. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ КЛАССИЧЕСКОЙ АНТИЧНОСТИ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

Платон

Платон (428/427 или 424/423 – 348/347 до н. э.) – афинский философ классического периода Древней Греции, основатель платонической школы мысли и Академии, первого высшего учебного заведения в западном мире. Он широко считается одним из самых важных и влиятельных людей в истории человечества и ключевой фигурой в истории древнегреческой и западной философии вместе со своим учителем Сократом и его самым известным учеником Аристотелем¹. Платона также часто называют одним из основателей западной религии и духовности. Так называемый неоплатонизм философов, таких как Плотин и Порфирий, сильно повлиял на христианство через таких отцов церкви, как Августин. Альфред Норт Уайтхед однажды заметил: «Наиболее правдоподобная общая характеристика европейской философской традиции состоит в том, что она представляет собой серию примечаний к Платону».

О государстве¹

1. ... В государстве, где негодные, безгласные суды скрывают свои мнения и втайне принимают решения или, что еще более ужасно, выносят их не спокойно, но среди страшного шума, точно в театре, криками поощряя или порицая каждого из выступающих ораторов, — в таком государстве обычно создается трудное положение. Необходимость давать законы таким судам не приносит никакой радости. Однако, если кто все-таки вынужден устанавливать законы для подобного государства, нужно большую часть их подробно оговорить самому, судьям же предоставить установление наказаний лишь по самым пустячным делам. Зато в государстве, где суды по мере сил устроены надлежащим образом, где те, кто собирается стать судьями, хорошо воспитаны и их прошлое подвергнуто тщательной проверке, там в большинстве случаев предоставление судьям решения, какому наказанию должны подвергаться виновные или какую пеню уплатить, будет делом правильным и прекрасным. Поэтому нам нельзя сейчас поставить в упрек, что мы не даем им самых важных и многочисленных предписаний, ведь

¹ Авторский текст, не структурированный в оригинале, разбит на параграфы для удобства пользования.

даже получившие не очень хорошее воспитание судьи могут сообразить, какое нужно установить наказание за то или иное преступление, чтобы оно было достойно совершенного проступка и вызванного им страдания.

2. Есть два вида государственного устройства: один - где над всем стоят правители, другой - где и правителям предписаны законы. Людям необходимо установить законы и жить по законам, иначе они ничем не будут отличаться от самых диких зверей. Причина здесь та, что природные свойства человека далеко не достаточны, чтобы распознать все полезное для человеческого общежития или, даже распознав это, всегда быть в состоянии осуществлять высшее благо и стремиться к нему. Ни закон, ни какой бы то ни было распорядок не стоят выше знания. Не может разум быть чьим-либо послушным рабом; нет, он должен править всем, если только по своей природе подлинно свободен. Но в наше время этого нигде не встретишь, разве что только в малых размерах. Поэтому надо принять то, что после разума находится на втором месте, закон — и порядок, которые охватывают своим взором многое, но не могут охватить всего.

3. Из государственных устройств то необходимо будет единственно правильным, в котором можно будет обнаружить истинно знающих правителей, а не правителей, которые лишь кажутся таковыми; и будет уже неважно, правят ли они по законам или без них, согласно доброй воле или против нее, бедны они или богаты: принимать это в расчет никогда и ни в коем случае не будет правильным. Законодательство — это часть царского искусства; однако, прекраснее всего, когда сила не у законов, а в руках царственного мужа, обладающего разумом... Закон никак не может со всей точностью и справедливостью охватить то, что является наилучшим для каждого, и это ему предписать. Ведь несходство, существующее между людьми и между делами людей, а также и то, что ничто человеческое, так сказать, никогда не находится в покое, — все это не допускает однозначного проявления какого бы то ни было искусства в отношении всех людей и на все времена. ...Закон же, как мы наблюдаем, стремится именно к этому, подобно самонадеянному и невежественному человеку, который никому ничего не позволяет ни делать без его приказа, ни даже спрашивать, хотя бы кому-то что-нибудь новое и представилось лучшим в сравнении с

тем, что он наказал. ...Законодатель, дающий наказ своему стаду относительно справедливости и взаимных обязательств, не сможет, адресуя этот наказ всем вместе, дать точные и соответствующие указания каждому в отдельности. ... Он издаст ... законы, носящие самый общий характер, адресованные большинству, каждому же — лишь в более грубом виде, будет ли он излагать их письменно или же устно, в соответствии с неписаными отечественными законами. А вот: скажем ли мы, что врач или учитель гимнастики, собираясь уехать и долгое время пробывать вдали от своих подопечных, сочтет нужным оставить им памятную записку с предписаниями, адресованными этим больным или ученикам гимнастики, чтобы они ничего не забыли? А что, если он пробудет в отсутствии меньше, чем ожидал? Неужели, вернувшись, он не посмеет дать другие предписания вопреки тому, что было написано раньше, учитывая, что из-за перемены ли ветра или других неожиданностей погоды больным стало лучше? Неужели он станет упорствовать и считать, будто не следует отступать от того, что было установлено прежде, и будто ни ему не следует давать новые указания, ни больному осмеливаться преступить написанное, поскольку то, что записано, целительно и направлено к выздоровлению, все же прочее — невежественно и болезнетворно? Если бы такое случилось в науке и истинном искусстве, разве не раздался бы громовой хохот и не были бы подняты на смех подобные предписания?

Подобно тому как кормчий постоянно блюдет пользу судна и моряков, подчиняясь не писаным установлениям, но искусству, которое для него закон, и так сохраняет жизнь товарищам по плаванию, точно таким же образом заботами умелых правителей соблюдается правильный государственный строй, потому что сила искусства ставится выше законов. И пока руководствующиеся разумом правители во всех делах соблюдают одно великое правило, они не допускают погрешностей: правило же это состоит в том, чтобы, умно и искусно уделяя всем в государстве самую справедливую долю, уметь оберечь всех граждан и по возможности сделать их из худших лучшими.

Самое главное здесь следующее: никто никогда не должен оставаться без начальника — ни мужчины, ни женщины. Ни в серьезных занятиях, ни в играх никто не должен приучать себя действовать по собственному усмотрению: нет, всегда — и на войне, и в мирное время

— надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать его указаниям. Даже в самых незначительных мелочах надо ими руководствоваться, например по первому его приказанию останавливаться на месте, идти вперед, приступать к упражнениям, умываться, питаться и пробуждаться ночью для несения охраны и для исполнения поручений. Даже в самых опасных обстоятельствах нельзя преследовать врага или отступить иначе как по разъяснению начальников. Словом. пусть человеческая душа приобретет навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно. Пусть жизнь всех людей всегда будет возможно более сплоченной и общей. ... Надо начальствовать над другими и самому быть у них под началом. А безначалие должно быть изъято из жизни всех людей и даже животных, подвластных людям.

5. Когда властителями в государстве станут подлинные философы, будет ли их несколько или хотя бы один, нынешними почестями они пренебрегут, считая их низменными и ничего не стоящими, и будут высоко ценить порядочность и ту честь, что с нею связана, но самым великим и необходимым будут считать справедливость; служа ей и умножая ее, устроят они свое государство. ... Трудно пошатнуть государство, устроенное подобным образом. Однако раз всему, что возникло, бывает конец, то даже и такой строй не сохранится вечно, но подвергнется разрушению.... Тем, кто блюдет государство, надо прилагать все усилия к тому, чтобы от них не укрылась его порча, и прежде всего им надо оберегать государство от нарушающих порядок новшеств в области гимнастического и музического искусств. Действительно, сюда легко и незаметно вкрадывается нарушение законов ... под прикрытием безвредной забавы. На самом же деле нарушение законов причиняет именно тот вред, что, мало-помалу внедряясь, потихоньку проникает в нравы и навыки, а оттуда, уже в более крупных размерах, распространяется на деловые взаимоотношения граждан и посягает даже на сам и законы и государственное устройство, ... в конце концов, переворачивая все вверх дном как в частной, так и в общественной жизни. ... Ни в одном государстве никто не знает, что характер игр очень сильно влияет на установление законов и определяет, будут ли они прочными или нет. Если дело поставлено так, что одни и те же лица принимают участие в одних и тех же играх, соблюдая при этом одни и те же правила и раду-

ясь одним и тем же забавам, что все это служит незыблемости также серьезных узаконении. Если же молодые колеблют это единообразие игр, вводят новшества, ищут постоянно перемен и считают приятными разные вещи, если они недовольны всегда своим внешним обликом и убором, не признают раз навсегда установленных правил о том, что благообразно и что безобразно, но особенно высоко чтят тех людей, которые постоянно вводят какие-то новшества, что-то иное, непривычное во внешний облик, в цвета и в другие подобные вещи, то мы полностью вправе сказать, что для государства нет ничего более губительного, чем все это. В самом деле, все это незаметно изменяет нравы молодых людей и заставляет их бесчестить старое и почитать только новое. Я снова повторяю: для всех государств нет худшего наказания, чем подобного рода мнения и установки.

6. Прежде всего следует установить численность населения, иными словами, сколько будет у нас граждан. Затем надо решить, на сколько частей мы поделим всех граждан и как велика будет каждая часть. Обусловив все это, можно приступить к наиболее равномерному распределению земли и жилищ. Какое количество граждан будет достаточным, можно определить не иначе как сообразуясь с количеством земли и с близлежащими государствами. Земли надо столько, чтобы она была в состоянии прокормить это число людей при условии их рассудительности, и не более того. Граждан же нужно столько, чтобы они без особых затруднений могли отражать нападения окрестных жителей и помогать тем соседям, кого обижают. Когда мы увидим и местность, и соседей, мы определим все это и на словах, и на деле. Пока же это лишь общий очерк или набросок; покончив с ним, перейдем к законодательству. Пусть будущих граждан будет пять тысяч сорок. ... На столько же частей будут разделены земля и жилища; человек и участок, полученный им по жребию, составят основу надела. Все указанное число можно прежде всего разделить на две части, затем на три. По своей природе оно делится последовательно и на четыре, и на пять, и на последующие числа вплоть до десяти. Что касается чисел, то всякий законодатель должен отдавать себе отчет в том, какое число и какие свойства числа всего удобнее для любых государств. Мы признаем наиболее удобным то число, которое обладает наибольшим количеством последовательных делителей. Конечно, всякое число имеет свои разнообраз-

ные делители; число же пять тысяч сорок имеет целых пятьдесят девять делителей, последовательных же — от единицы до десяти. Это очень удобно и на войне, и в мирное время для всякого рода сделок, союзов, налогов и распределений. Создается ли с самого начала готовое государство или переустраивается выродившееся старое, все равно никто из имеющих разум не станет колебать ничего, касающегося богов и святых: какие именно, каким богам должны быть воздвигнуты святилища в государстве и именем каких богов или даймонов будут они называться, во всем этом надо следовать Дельфам, Додоне, Аммону или же убедительным древним сказаниям о бывших знамениях и божественных наитиях. ...

7. Из всего этого законодателю нельзя трогать ничего, даже самого малого, но должно каждой части граждан дать особого бога, даймона или героя. При разделе земли надо прежде всего выделить отборный священный участок со всем, что ему подобает; там в установленные сроки должна собираться каждая часть граждан, дабы облегчать общие нужды, выражать друг другу доброжелательство при жертвоприношениях, привыкать к соседям и знакомиться. Для государства нет более великого блага, чем близкое знакомство граждан друг с другом. Где во взаимоотношениях нет света, но царит тьма, там никто не может правильно достичь заслуженного почета, власти и подобающих прав. В любом государстве каждый человек должен стремиться всегда быть простым, правдивым, нелицемерным по отношению к другим и, будучи таковым, остерегаться обмана с их стороны. Всего правильнее было бы сначала изложить наилучший государственный строй, затем второй по достоинству и, наконец, третий, а после изложения предоставить выбор тому, кто стоит во главе общества. Согласно этому замыслу мы и поступим сейчас, указав на государственное устройство первое по достоинству, затем на второе и третье. Наилучшим является первое государство, его устройство и законы. Здесь все государство тщательнейшим образом соблюдает древнее изречение, гласящее, что у друзей взаправду все общее. ... По одним и тем же причинам все будут радоваться или огорчаться, а законы по мере сил сплотят в единое целое государство, выше которого в смысле добродетели, правильности и блага никто никогда не сможет установить. Если такое государство устроят где-нибудь боги или сыновья богов и обитают в нем больше чем по одно-

му, то это — обитель радостной жизни. Когда оно есть, нет надобности взирать на другой образец государственного устройства... Посмотрим, каково это второе по значению государство и как оно образуется. Прежде всего, пусть граждане разделят землю и жилища; общинного земледелия может и не быть, так как нынешнее поколение по своему воспитанию и образованию не доросло до этого. Однако раздел надо производить, считаясь со следующим: каждый получивший по жребию надел должен считать свой надел общей собственностью всего государства. ... А чтобы все это сохранилось навеки, надо еще заметить, что установленная нами численность очагов должна быть всегда одинаковой, то есть не увеличиваться и не уменьшаться. Прочного положения во всем государстве можно достигнуть так: обладатель надела оставляет в наследство свое жилище всегда лишь одному из своих детей, самому любимому, который и будет его преемником, почитателем богов рода, государства и людей, живых или уже окончивших свой век. Наживе вовсе нет места при подобном устройстве... Никто из частных лиц не имеет права владеть золотом или серебром.

...Всякий раз, как надо кого-то послать в чужие земли, государству необходимо для этой цели обладать действительной по всей Элладе монетой. Если частному лицу понадобится выехать за пределы родины, оно может это сделать лишь с разрешения властей; по возвращении домой оно должно сдать государству имеющиеся у него чужеземные деньги, получив взамен местные деньги, согласно расчету. Если обнаружится, что кто-либо присвоил чужеземные деньги, они забираются в пользу казны; знавший же об этом и не сообщивший подвергается вместе с тем, кто ввез эти деньги, порицанию и проклятию, а также и пене в размере не менее количества ввезенных чужеземных денег. При женитьбе или замужестве совершенно не разрешается давать или брать какое-нибудь приданое. Далее, нельзя отдавать денег на хранение тому, кто не внушает доверия. Нельзя также отдавать деньги под проценты, в этом случае позволяется вовсе не возвращать ростовщику ни процентов, ни всего долга.

7. Судить о высоких качествах этих установлении правильнее всего, обращаясь всякий раз к нашему исходному намерению. Мы утверждаем, что намерения разумного политика вовсе не таковы, какими их рисует себе большинство: оно считает, будто хороший законода-

тель должен стремиться видеть свое государство великим; будто он дает хорошие законы, думая о том, чтобы государство было как можно богаче, чтобы оно обладало золотыми и серебряными рудниками и владычествовало над большинством государств, как на море, так и на суше. Надо было бы добавить: надлежащий законодатель должен стремиться к тому, чтобы его государство было наилучшим и счастливейшим. Это отчасти исполнимо, отчасти нет. ...Нет хороших и вместе с тем очень богатых людей... А кто не хорош, тот и не счастлив.

8. Наш набросок законов имел целью сделать людей возможно более счастливыми и дружелюбными. Но разве будут граждане дружелюбны там, где между ними много тяжб и много несправедливостей? Нет, только там они будут дружелюбными, где несправедливостей всего меньше и где они незначительны. Поэтому мы говорим, что в нашем государстве не должно быть ни золота, ни серебра, ни большой наживы путем ремесел и ростовщичества, ни чрезмерно обширного скотоводства, но должны быть только доходы, доставляемые земледелием...

Из трех вещей, о которых заботится каждый человек, забота об имуществе по справедливости занимает лишь третье, то есть последнее, место, забота о теле — среднее, на первом же месте стоит забота о душе. И государственный строй, который мы сейчас разбираем, окажется правильно установленным только в том случае, если почет будет распределен в нем именно так. Если же какой-либо из установленных законов ставит в государстве здоровье выше рассудительности по оказываемому почету либо богатство — выше рассудительности и здоровья, то это будет служить признаком, что подобный закон установлен неправильно.

9. Было бы прекрасно, если бы каждый член колонии обладал ... имуществом в равной доле со всеми. Но это невозможно: один явится, обладая большим имуществом другой — меньшим. Поэтому, а также по многим другим причинам для удобства и равной доли для всех в государстве надо установить неравный имущественный ценз,... Должности и почести распределяются как можно более равномерно, соответственно этому имущественному неравенству, причем нет никаких поводов к раздорам. В зависимости от величины имущества надо установить четыре класса, назвав их: первый, второй, третий, четвертый или как-нибудь иначе. Граждане либо пребывают в своем классе, либо, разбога-

тев или обеднев, переходят в подобающий каждому из них класс.

...Не должно быть тяжелой бедности среди некоторых граждан, ни в свою очередь богатства, ибо бедность и богатство взаимно порождают друг друга. Вот и надо теперь законодателю установить пределы бедности и богатства. Пределом бедности пусть будет стоимость надела, который должен оставаться у каждого... Приняв это за меру, законодатель допускает приобретение имущества большего по своей стоимости в два, три, четыре раза; если же кто приобретет свыше этого, найдя ли что-нибудь, получив ли от кого-то в подарок или наживши, — ...он должен отдать избыток государству и его богам-покровителям. ... Все, чем владеет каждый, не считая надела, будет публично записано теми, кому это предписывает закон, то есть должностными лицами-стражами, так, чтобы все тяжбы, касающиеся имущества, стали бы легкими и вполне ясными.

10. Граждан также надо разделить на двенадцать частей. Для этого надо произвести перепись прочего их имущества, а затем поделить все на двенадцать по возможности равноценных частей. Вслед за тем эти двенадцать наделов надо поделить между двенадцатью богами и каждую определенную жребием часть посвятить тому или иному богу, назвав ее его именем. Такая часть будет носить название филы. В свою очередь и город надо разделить на двенадцать частей, точно так же, как разделена остальная страна. Каждому гражданину следует отвести два жилища: одно — близ срединной части государства, другое — на окраине.

11. Государство возникает, как я полагаю, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но во многом еще нуждается. ...Таким образом, каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства. ...Таким образом, они кое-что уделяют друг Другу и кое-что получают, и каждый считает, что так ему будет лучше.

12. ...Займемся мысленно построением государства с самого начала. Как видно, его создают наши потребности. ...А самая первая и самая большая потребность — это добыча пищи для существования и жизни. ...Вторая потребность — жилье, третья — одежда, и так далее.

...Каким образом государство может обеспечить себя всем этим: не так ли, что кто-нибудь будет земледельцем, другой — строителем, третий — ткачом? И не добавить ли нам к этому сапожника и еще кого-нибудь из тех, кто обслуживает телесные наши нужды?

13. ...Вначале, самым круговращением целиком ведал [верховный] бог, но местами, как и теперь, части космоса были поделены между правящими богами. Да и живые существа были поделены между собой по родам и стадам божественными пастухами — даймонами; при этом каждый из них владел той группой, к которой он был приставлен, так что не было тогда ни диких животных, ни взаимного пожирания, как не было ни войн, ни раздоров, зато можно назвать тысячи хороших вещей, сопутствовавших такому устройству. А то, что было сказано об их жизни, согласной с природой, имеет вот какую причину. Бог сам пестовал их и ими руководил, подобно тому как сейчас люди, будучи существами, более прочих причастными божественному началу, пасут другие, низшие породы. Под управлением бога не существовало государств; не было также в собственности женщин и детей, ведь все эти люди появлялись прямо из земли, лишённые памяти о прошлых поколениях. Такого рода вещи для них не существовали; зато они в изобилии получали плоды фруктовых и любых других деревьев, произраставших не от руки земледельца, но как добровольный дар земли. Не имея одежды и не заботясь о ложе, бродили они большей частью под открытым небом. Ведь погода была уготована им благоприятная и ложе их было мягко благодаря траве, обильно произрастающей из земли.

Когда всему этому исполнился срок, и должна была наступить перемена, и все земнорожденное племя потерпело уничтожение, после того как каждая душа проделала все назначенные ей порождения и все они семенами упали на землю, кормчий Вселенной, словно бы отпустив кормило, отошел на свой наблюдательный пост, космос же продолжал вращаться под воздействием судьбы и врожденного ему вождения. Все местные боги, соправители могущественнейшего божества, прознав о случившемся, лишили части космоса своего попечения. Космос же, повернувши вспять и пришедши в столкновение с самим собой, увлекаемый противоположными стремлениями начала и конца и сотрясаемый мощным внутренним сотрясением, навлек новую гибель на всевозможных животных. Когда затем, по прошествии большого времени, насту-

пило затишье, космос вернулся к своему обычному упорядоченному бегу, попечительствуя и властвуя над всем тем, что в нем есть, и над самим собою; при этом он по возможности вспоминал наставления своего демиурга и отца.

15. Чем более важно дело стражей, тем более оно несовместимо с другими занятиями, ведь оно требует мастерства и величайшего старания... Для этого занятия требуется иметь соответствующие природные задатки. ... Нашим делом было бы отобрать тех, кто по своим природным свойствам годен для охраны государства.

Они должны быть краткими к своим людям и грозными для неприятеля. В противном случае им не придется ждать, чтобы их истребил кто-нибудь другой: они сами сделают и погубят себя. Будущий страж нуждается еще вот в чем: мало того, что он яростен, он должен по своей природе еще и стремиться к мудрости. Безупречный страж государства будет у нас по своей природе обладать и стремлением к мудрости, и стремлением познавать, а также будет проворным и сильным.

... Начальствовать должны те, кто постарше, а быть под началом те, кто помоложе. ... И при том начальствовать должны самые лучшие.... Здесь требуется и понимание, и способности, а кроме того, и забота о государстве.

... Из стражей надо выбрать таких людей, которые, по нашим наблюдениям, целью всей своей жизни поставили самое ревностное служение государственной пользе и ни в коем случае не согласились бы действовать вопреки ей.

... Надо искать людей, которые всех доблестнее стоят на страже своих взглядов и считают, что для государства следует делать все, по их мнению, наилучшее. Даже в их детские годы, предлагая им занятия, надо наблюдать, в чем кто из них бывает особенно забывчив и поддается обману. Памятливых и не поддающихся обману надо отбирать, а кто не таков, тех отвергнуть. Надо также возлагать на них труды, тяготы и состязания и там подмечать то же самое. ... Надо, стало быть, устроить для них испытание и третьего вида, то есть проверку при помощи оболыщения, и при этом надо их наблюдать... Кто прошел это испытание и во всех возрастах — детском, юношеском и зрелом - выказал себя человеком цельным, того и надо ставить правителем и стражем государ-

ства, ему следует воздавать почести и при жизни, и после, смерти, удостоив почетных похорон и особо увековечив о нем память. А кто; не таков, тех надо отвергнуть. ... Прежде всего, никто [из стражей] не должен обладать никакой частной собственностью, если в том нет крайней необходимости. Затем, ни у кого не должно быть такого жилища или кладовой, куда не имел бы доступа всякий желающий. Припасы, необходимые для рассудительных и мужественных знатоков военного дела, они должны получать от остальных граждан в уплату за то, что их охраняют. Количества припасов должно хватать стражам на год, без излишка. Столуясь все вместе, как во время военных походов, они и жить будут сообща... Им одним не дозволено в нашем государстве пользоваться золотом и серебром, даже прикасаться к ним, быть с ними под одной иней, украшаться ими или пить из золотых и серебряных сосудов. Только так могли бы стражи остаться невредимыми и сохранить государство. А только заведется у них собственная земля, дома, деньги, как сейчас же из стражей станут они хозяевами и земледельцами; из союзников сделаются враждебными им владыками; ненавидя сами и вызывая к себе ненависти, питая злые умыслы и их опасаясь, будут они все время жить в большем станут перед внутренними врагами, чем перед внешними, а в таком случае и сая они, и все государство устремятся к своей скорейшей гибели

17. Пока в государствах не будут царствовать философы либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино — государственная власть и философия, и пока не будут в обязательном порядке отстранены те люди — а их много, - которые ныне стремятся порознь либо к власти, либо к философии, до тех пор ...государствам не избавиться от зол, да и не станет возможным для рода человеческого и не увидит солнечного света то государственное устройство, которое мы только что описали словесно. ...Философы-то и должны править: ...некоторым людям по самой их природе подобает быть философами и правителями государства, а всем прочим надо заниматься не этим, а следовать за теми, кто руководит.

Разве не будет одной из постоянных мер предосторожности не допускать, чтобы вкус к рассуждениям появлялся смолоду? ...Подростки, едва вкусив от таких рассуждений, злоупотребляют ими

ради забавы, увлекаясь противоречиями и подражая тем, кто их опровергает, да и сами берутся опровергать других, испытывая удовольствие от того, что своими доводами они, словно щенки, тащат и рвут на части всех, кто им подвернется. ...После того как они сами опровергнут многих и многие опровергнут их, они вскорости склоняются к полному отрицанию прежних своих утверждений, а это опорочивает в глазах других людей и их самих да заодно и весь предмет философии. ...Ну а кто постарше, тот не захочет принимать участия в подобном бесчинстве; скорее он будет подражать человеку, желающему в беседе дойти до истины, чем тому, кто противоречит ради забавы, в шутку. Он и сам будет сдержан, и занятие свое сделает почетным, а не презренным... Разве не относится к мерам предосторожности все то, о чем мы говорили раньше: допускать к отвлеченным рассуждениям лишь упорядоченные и стойкие натуры, а не так, как теперь, когда за это берется кто попало, в том числе совсем неподходящие люди? ...Это необходимая мера. В сравнении с тем, кто развивает свое тело путем гимнастических упражнений, будет ли достаточен вдвое больший срок для овладения искусством рассуждать, если Постоянно и напряженно заниматься лишь этим? ...После [четырех — шести лет занятий] их надо будет заставить занять государственные должности — как военные, так и другие, подобающие молодым людям, пусть они никому не уступят и в опытности. Вдобавок надо на всем этом их проверить, устоят ли они перед разнообразными влияниями или же кое в чем поддадутся, на это отводится пятнадцать лет. А когда им будет пятьдесят, то тех из них, кто уцелел и всячески отличился, — как на деле, так и в познаниях... Таким образом, они постоянно будут воспитывать людей, подобных им самим, и ставить их стража — государства взамен себя, а сами отойдут на Острова блаженных, чтобы там обитать. Государство на общественный счет соорудит им памятники и будет приносить жертвы как богам, если это подтвердит Пифия, а если нет, то как счастливым и божественным людям.

Аристотель

Аристотель (384 год до н. э., Стагира, Фракия — 322 год до н. э., Халкида, остров Эвбея) — древнегреческий философ. Ученик Платона. С 343 года до н. э. по 340 года до н. э. — воспитатель Александра Македонского. В 335/4 годах до н. э. основал Ликей (Лицей, или перипатетическую школу). Натуралист классического периода. Наиболее влиятельный из философов и полематов древности; основоположник формальной логики. Создал понятийный аппарат, который до сих пор пронизывает философский лексикон и стиль научного мышления, заложил основы современных естественных наук. Аристотель был первым мыслителем, создавшим всестороннюю систему философии, охватившую все сферы человеческого развития: социологию, философию, политику, логику, физику. Его взгляды на онтологию имели серьёзное влияние на последующее развитие человеческой мысли.

Никомахова этика

I. 1.(I). Всякое искусство и всякое учение, а равным образом поступок и сознательный выбор, как принято считать, стремятся к определенному благу. Поэтому удачно определяли благо как то, к чему все стремится. В целях, однако, обнаруживается некоторое различие, потому что одни цели — это деятельности, другие — определенные отдельные от них результаты...

Так как действий, искусств и наук много, много возникает и целей. ...Поскольку ряд таких [искусств и наук] подчиняется одному какому-нибудь умению ...поскольку во всех случаях цели управляющих [искусств и наук] заслуживают предпочтения перед целями подчиненных...

(II). Если же у того, что мы делаем, существует некая цель, желанная нам сама по себе, причем остальные цели желанны ради нее и не все цели мы избираем ради иной цели..., то ясно, что цель эта и есть собственно благо, т.е. наивысшее благо.

Разве познание его не имеет огромного влияния на образ жизни?... А если так, надо попытаться хотя бы в общих чертах представить себе, что это такое и к какой из наук, или какому из умений, имеет отношение. Надо, видимо, признать, что оно, [высшее благо], относится в ведению важнейшей [науки...]. А такой представляется наука о государстве, [или политика]. Она ведь устанавливает, какие науки нужны в государстве и какие науки и в каком объеме должен изучать каждый.

Мы видим, что наиболее почитаемые умения, как-то: умения в военачалии, хозяйствовании и красноречии — подчинены этой [науке]. А поскольку наука о государстве пользуется остальными науками как средствами и, кроме того, законодательно определяет, какие поступки следует совершать или от каких воздерживаться, то ее цель включает, видимо, цели других наук, а, следовательно, эта цель и будет высшим благом для людей [вообще]. ...

Итак, настоящее учение как своего рода наука о государстве имеет это [т.е. достижение и сохранение блага государства] своей целью.

V.10. (VII). Государственное право [судис] частью естественно, частью — узаконено; оно естественно, если повсюду имеет одинаковую силу и не зависит от признания и непризнания [его людьми]. Но если изначально не важно, так [поступать] или иначе, а тогда важно, когда это [уже] установлено, — например, что [пленника] выкупают за одну мину или что в жертву приносят одного козла, а не двух баранов, — то [перед нами] узаконенное [право]. Сюда же относятся законы, установленные для отдельных случаев (например, о жертве Брасиду), а также все [частные вопросы], по которым, голосуя, принимают особые решения.

Иные считают узаконенными все [виды права], ибо природное неизменно и повсюду имеет ту же силу; так, например, и здесь, и в Персии огонь жжется; однако, как меняется то, что [считается] правосудным, видят [своими глазами]. В таком виде это [мнение] не [верно], но в известном смысле может быть верно. Для богов, во всяком случае, [изменчивость], видимо, совершенно исключена, а для нас хотя и возможно нечто [правое] от природы, все это, однако, изменчиво, и вместе с тем одно существует от природы, другое — не от природы.

Какое [право] от природы, а какое по закону и уговору, если речь идет о том, что может быть и так, и иначе, и при условии, что и то и другое подвержено изменениям, также ясно; и для других вещей подходит такое же разграничение...

Те из правовых [установлений], что основаны на уговоре и взаимной выгоде, можно уподобить мерам; действительно, меры для вина и хлеба не везде равны: у скупщиков они больше, у [розничных] торговцев — меньше. Подобным образом и правовые [установления], не природные, а человеческие, не бывают повсюду тождественны, коль

скоро и государственные устройства [не повсюду тождественны], между тем как лишь одно [из них] повсюду является лучшим по природе.

Каждое [положение] права или закона есть как бы общее по отношению к частному, ибо поступки многообразны, а [положение] — как общее — всякий раз одно.

Политика

I. I.1. Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим.

2. Неправильно говорят те, которые полагают, будто понятия «государственный муж», «царь», «домохозяин», «господин» суть понятия тождественные. Ведь они считают, что эти понятия различаются в количественном, а не в качественном отношении; скажем, господин — тот, кому подвластно небольшое число людей; домохозяин — тот, кому подвластно большее число людей; а кому подвластно еще большее число — это государственный муж или царь; будто нет никакого различия между большой семьей и небольшим государством и будто отличие государственного мужа от царя состоит в том, что царь правит в силу лично ему присущей власти, а государственный муж отчасти властвует, отчасти подчиняется на основах соответствующей науки - политики. Это, однако, далеко от истины...

8. Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство — продукт естественного возникновения, как и первичные общения: оно является завершением их, в завершении же называется природа. Ведь мы называем природой каждого объекта — возьмем, например, природу человека, коня, семьи — то его состояние,

какое получается при завершении его развития. Сверх того, в осуществлении конечной цели и состоит высшее завершение, а самоодвлекующее существование оказывается и завершением, и наивысшим существованием ...

11. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т.п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства. Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части...

12. Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо. Человек, нашедший свое завершение, — совершеннейшее из живых существ, и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, — наихудший из всех, ибо несправедливость, владеющая оружием, тяжелее всего; природа же дала человеку в руки оружие — умственную и нравственную силу, а ими вполне можно пользоваться в обратную сторону. Поэтому человек, лишенный добродетели, оказывается существом самым нечестивым и диким, низменным в своих половых и вкусовых позовах. Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения...

I. I. 3. И здесь, как и повсюду, наилучший способ теоретического построения состоял бы в рассмотрении первичного образования предметов. 4. Так, необходимость побуждает, прежде всего, сочетаться попарно тех, кто не может существовать друг без друга, — женщину и мужчину в целях продолжения потомства; и сочетание это обуславливается не сознательным решением, но зависит от естественного стремления, свойственного и остальным живым существам и растениям, — оставить после себя другое подобное себе существо.

[Точно так же в целях взаимного самосохранения необходимо объединяться попарно существу], в силу своей природы властвующему, и существу, в силу своей природы подвластному. Первое благодаря своим умственным свойствам способно к предвидению, и потому оно уже по природе своей существо, властвующее и господствующее; второе, так как оно способно лишь своими физическими силами исполнять

полученные указания, является существом подвластным и рабствующим. Поэтому и господину и рабу полезно одно и то же. 5. Но женщина и раб по природе своей два различных существа... напротив, в природе каждый предмет имеет свое назначение. Так, всякий инструмент будет наилучшим образом удовлетворять своему назначению, если он предназначен для исполнения одной работы, а не многих. У варваров женщина и раб занимают одно и то же положение, и объясняется это тем, что у них отсутствует элемент, предназначенный по природе своей к властвованию. У них бывает только одна форма общения — общение раба и рабыни. Поэтому и говорит поэт: «Прилично властвовать над варварами грекам»; варвар и раб по природе своей понятия тождественные. 6. Итак, из указанных двух форм общения получается первый вид общения — семья. Правильно звучит стих Гесиода: «Дом прежде всего и супруга, и бык-землепашец» (у бедняков бык служит вместо раба). Соответственно общение, естественным путем возникшее для удовлетворения повседневных надобностей, есть — семья.

7. Общение, состоящее из нескольких семей и имеющее целью обслуживание не кратковременных только потребностей, — селение. Вполне естественно, что селение можно рассматривать как колонию семьи; некоторые и называют членов одного и того же селения «молочными братьями», «сыновьями», «внуками». Греческие государства потому вначале и управлялись царями (а в настоящее время то же мы видим у негреческих племен), что они образовались из элементов, признававших над собой царскую власть: ведь во всякой семье старший облечен полномочиями царя. И в колониях семей — селениях поддерживали в силу родственных отношений между их членами тот же порядок. ...

8. Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство — продукт естественного возникновения, как и первичные общины: оно является завершением их, в завершении же называется природой. Ведь мы называем природой каждого объекта — возьмем, например, природу человека, коня, семьи, — то его состояние, какое получается при завершении его развития. Сверх того, в осу-

ществлении конечной цели и состоит высшее завершение, а самоде-
влюющее существование оказывается и завершением, и наивысшим су-
ществованием.

II. 18. ...Закон есть нечто справедливое...

II. V. 10. ...Некоторые колеблются, вредно или полезно для госу-
дарства изменять отеческие законы, даже в том случае, если какой-
нибудь новый закон оказывается лучше существующего. ...

11. Раз, однако, мы упомянули об этом предмете, правильнее бу-
дет еще немного распространиться о нем. Решение вопроса, как мы ска-
зали, вызывает затруднение. Может показаться, что изменение лучше.
И правда, оно полезно в других областях знания, например в медицине,
когда она развивается вперед сравнительно с тем, какою она была у
предков, также в гимнастике и вообще во всех искусствах и науках. Так
как и политику следует относить к их числу, то, очевидно, и в ней дело
обстоит таким же образом. Сама действительность, можно сказать,
служит подтверждением этого положения: ведь старинные законы были
чрезвычайно несложны и напоминали варварские законодательства. 12.
В первобытные времена греки ходили вооруженные, покупали себе
друг у друга жен. Сохраняющиеся кое-где старинные законоположения
отличаются вообще большой наивностью. Таков, например, закон отно-
сительно убийств в Киме: если обвинитель представит известное число
свидетелей из среды своих родственников, подтверждающих факт
убийства, то обвиняемый тем самым признается виновным в убийстве,
Вообще же все люди стремятся не к тому, что освящено преданием, а к
тому, что является благом; и так как первые люди — были ли они рож-
дены из земли или спаслись от какого-нибудь бедствия — походили на
обыкновенных людей, к тому же не одаренных развитыми мыслитель-
ными способностями, как это и говорится о людях, рожденных из зем-
ли, то было бы безрассудством оставаться при их постановлениях.
Сверх того, было бы не лучше и писанные законы оставлять в неизмен-
ном виде: как в остальных искусствах, так и в государственном устрой-
нии невозможно изложить письменно все со всей точностью. Ведь за-
коны неизбежно приходится излагать в общей форме, человеческие же
действия единичны. Отсюда ясно, что некоторые законы иногда следу-
ет изменять. 13. Однако, с другой стороны, дело это, по-видимому, тре-
бует большой осмотрительности. Если исправление закона является не-

значительным улучшением, а приобретаемая таким путем привычка с легким сердцем изменять закон дурна, то ясно, что лучше простить те или иные погрешности, как законодателей, так и должностных лиц: не столько будет пользы от изменения закона, сколько вреда, если появится привычка не повиноваться существующему порядку. 14. Обманчив также пример, заимствованный из области искусств. Не одно и то же — изменить искусство или изменить закон. Ведь закон бессилен принудить к повиновению вопреки существующим обычаям; это осуществляется лишь с течением времени. Таким образом, легкомысленно менять существующие законы на другие, новые — значит ослаблять силу закона. Кроме того, если законы и подлежат изменению, то еще вопрос, все ли законы и при всяком ли государственном строе...

II. XI. 3. ...Справедливость требует, чтобы все равные властвовали в той же мере, в какой они подчиняются, и чтобы каждый поочередно то повелевал, то подчинялся. Здесь мы уже имеем дело с законом, ибо порядок и есть закон. Поэтому предпочтительнее, чтобы властвовал закон, а не кто-либо один из среды граждан. На том же самом основании, даже если будет признано лучшим, чтобы власть имели несколько человек, следует назначать этих последних стражами закона и его слугами. ... 4. А на то замечание, что закон, по-видимому, не в состоянии предусмотреть все возможные случаи, можно возразить, что и человек был бы не в силах их предугадать. Во всяком случае, закон, надлежащим образом воспитавший должностных лиц, предоставляет им возможность в прочих делах выносить судебные решения и управлять, руководствуясь наиболее справедливым суждением. Он позволяет им вносить в него поправки, если опыт покажет, что они содействуют улучшению существующих установлений. Итак, кто требует, чтобы властвовал закон, по-видимому, требует, чтобы властвовало только божество и разум, а кто требует, чтобы властвовал человек, привносит в это и животное начало, ибо страсть есть нечто животное и гнев свращает с истинного пути правителей, хотя бы они были и наилучшими людьми; напротив, закон — это свободный от безотчетных позывов разум...

6. Таким образом, ясно, что ищущий справедливости ищет чего-то беспристрастного, а закон и есть это беспристрастное.

III. 1.1. Исследователю видов государственного строя и присущих

им свойств надлежит прежде всего подвергнуть рассмотрению вопрос о государстве вообще и разобрать, что такое собственно государство. В настоящее время на этот счет существует разногласие; одни утверждают, что то или иное действие совершило государство, другие говорят: нет, не государство, а олигархия или тиран. В самом деле, мы видим, что вся деятельность государственного мужа и законодателя направлена исключительно на государство (polis), а государственное устройство (politeia) есть известная организация обитателей государства. 2. Ввиду того, что государство представляет собой нечто составное, подобное всякому целому, но состоящему из многих частей, ясно, что сначала следует определить, что такое гражданин (polites), ведь государство есть совокупность граждан. Итак, должно рассмотреть, кого следует называть гражданином и что такое гражданин. Ведь часто мы встречаем разногласие в определении понятия гражданина: не все согласны считать гражданином одного и того же; тот, кто в демократии гражданин, в олигархии часто уже не гражданин...

8. ...Кто имеет участие в законосовещательной или судебной власти, мы можем утверждать, что он и является гражданином данного государства. Государством же мы и называем совокупность таких граждан, достаточную для самодовлеющего существования...

III. II. 10. ...Хороший гражданин должен уметь и быть способным и подчиняться и начальствовать, и добродетель гражданина заключается в умении властвовать над свободными людьми и быть подвластным...

III. IV. 2. Следует предпослать вопрос: для какой цели возникло государство и сколько видов имеет власть, управляющая человеком в его общественной жизни? Уже в начале наших рассуждений, при разъяснении вопроса о домохозяйстве и власти господина в семье, было указано, что человек по природе своей есть существо политическое, в силу чего даже те люди, которые нисколько не нуждаются во взаимопомощи, безотчетно стремятся к совместному жительству.

3. Впрочем, к этому людей побуждает и сознание общей пользы, поскольку на долю каждого приходится участие в прекрасной жизни; это по преимуществу является целью, как для объединенной совокупности людей, так и для каждого человека в отдельности. Люди объединяются и ради самой жизни, скрепляя государственное общение: ведь,

пожалуй, и жизнь, взятая исключительно как таковая, содержит частицу прекрасного, исключая разве только те случаи, когда слишком преобладают тяготы. Ясно, что большинство людей готово претерпевать множество страданий из привязанности к жизни, так как в ней самой по себе заключается некое благоденствие и естественная сладость...

7. ...Ясно, что только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих — все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей...

III. 4. ...Однако главными видами государственного устройства, по-видимому, являются два — демократия и олигархия, подобно тому, как говорят главным образом о двух ветрах — северном и южном, а на остальные смотрят, как на отклонение от этих двух. Ведь аристократию считают некоей олигархией, а так называемую политию — демократией... 5. Но правильное и лучше предлагаемое нами разделение, согласно которому существует два или один вид прекрасного государственного устройства, а все остальные виды — отклонения от наилучшего...

III. IV. 1. Государственное устройство (*politeia*) — это распорядок в области организации государственных должностей вообще, и в первую очередь верховной власти: верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления (*politeuma*), а последний и есть государственное устройство. Я имею в виду, например, то, что в демократических государствах верховная власть — в руках народа; в олигархиях, наоборот, — в руках немногих; поэтому и государственное устройство в них мы называем различным... 6. ...Относительно государственных должностей — там, где государство основано на началах равноправия и равенства граждан, выступает притязание на то, чтобы править по очереди. Это притязание первоначально имело естественные основания; требовалось, чтобы государственные повинности исполнялись поочередно, и каждый желал, чтобы, подобно тому, как он сам, находясь ранее у власти, заботился о пользе другого, так и этот другой в свою очередь имел в виду его пользу. В настоящее время из-за выгод, связанных с общественным делом и нахождением у власти, все желают непрерывно обладать ею, как если бы те, кто стоит у власти, пользова-

лись постоянным цветущим здоровьем, невзирая на свою болезненность; потому что тогда стали бы стремиться к должностям. 7. Итак, ясно, что только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих — все ошибочны и представляют собой отклонения правильных: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей...

IV. I. 5. Законы следует издавать — да так они все и издаются, — применяясь к данному государственному строю, а не, наоборот, подгонять государственное устройство к законам. В самом деле, государственным устройством обуславливается в государствах порядок касательно должностей, именно способа распределения их, определяется характер верховной власти, устанавливается конечная цель всякого политического общения. Законы, однако, должно отличать от того, что характеризует данное государственное устройство; на основании законов правители должны править, а также наблюдать за нарушителями их. 6. Таким образом, очевидно, и в деле законодательства необходимо принимать в расчет отличительные черты, характеризующие каждый из видов государственного устройства, и наличное число их, так как нельзя предполагать, что одни и те же законы окажутся полезными и для всех олигархий, и для всех демократий, раз существует не один только вид демократии и олигархии, а несколько.

IV. III.11. И государство, как на это неоднократно указывалось, имеет не одну, а многие составные части. Одна из них — народная масса, производящая продукты питания; это так называемые земледельцы. Вторая — так называемые ремесленники, занимающиеся искусствами, без которых невозможно самое существование государства; из этих искусств одни должны существовать в силу необходимости, другие служат для роскоши или для того, чтобы украсить жизнь. Третья часть — торговцы, а именно те, кто занимается, куплей и продажей, оптовой и розничной торговлей. Четвертая часть — поденщики, пятая — военные. Существование последних не менее необходимо, чем существование упомянутых выше, если государство не желает оказаться под властью тех, кто на него нападает. Мы допустили бы невозможное, если бы считали, что государство, по природе рабское, достойно называться государством, ведь государство есть нечто самодовлеющее, рабство же

несовместимо с самодовлением.

12. В «Государстве» вопрос этот разработан остроумно, но в недостаточной мере. Именно, Сократ говорит, что необходимейших составных частей у государства четыре: он называет ткачей, земледельцев, кожевников и плотников; но так как этого оказывается недостаточно для самодовлеющего существования государства, он присоединяет к ним кузнецов и пастухов, пасущих необходимые для домашнего обихода стада, а сверх того, добавляет оптовых и розничных торговцев. Все они, по мнению Сократа, заполняют собой первое государство, как будто всякое государство образуется лишь ради удовлетворения насущных потребностей, а не ради прекрасного существования и как будто для государства в равной степени потребны как кожевники, так и земледельцы. 13. Военных же он вводит лишь с момента расширения территории и после того, как государство, войдя в соприкосновение с соседями, должно будет начать с ними войну. Но будет ли четыре или сколько угодно частей в государстве, все-таки окажется нужда в таком человеке, который решал бы судебным порядком тяжбы. Если считать душу у одушевленного существа частью более важной, нежели тело, то и в государстве душу должно признать более важной, чем все относящееся лишь к удовлетворению его насущных потребностей. А этой душой государства являются военные и те, на кого возложено отправление правосудия при судебном разбирательстве; сверх того, совещающиеся, о государственных делах, в чем и находит свое выражение политическая мудрость. И для дела довольно безразлично, поделены ли эти функции среди тех или иных лиц, или же они объединены в руках одних и тех же: ведь и служить воинами, и обрабатывать землю зачастую приходится одним и тем же людям. 14. Поэтому если и то и другое следует призвать необходимыми составными частями государства, то ясно, что и военные являются необходимой частью.

Седьмую часть составляют те, кто служит государству своим имуществом и кого мы вообще называем состоятельными. Восьмую часть образуют те, кто служит народу, т.е. занимает государственные должности (без должностных лиц существование государств немислимо); необходимо иметь таких людей, которые могли бы быть должностными лицами, исполнять государственные повинности или непрерывно, или с соблюдением очереди. Остаются еще те части, о которых

мы только что говорили, именно облеченные законосовещательными функциями, и творящие суд между тяжущимися...

IV. XI. 3. В каждом государстве есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посередине между теми и другими. Так как, по общепринятому мнению, умеренность и середина — наилучшее, то, очевидно, и средний достаток из всех благ всего лучше. 4. При наличии его легче всего повиноваться доводам разума; напротив, трудно следовать этим доводам человеку сверхпрекрасному, сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому или, наоборот, человеку сверхбедному, сверхслабому, сверхуниженному по своему общественному положению. Люди первого типа становятся по преимуществу наглецами и крупными мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами. А из преступлений одни совершаются из-за наглости, другие — вследствие подлости. Сверх того, люди обоих этих типов не уклоняются от власти, но ревностно стремятся к ней, а ведь и то и другое приносит государствам вред. 5. Далее, люди первого типа, имея избыток благополучия, силы, богатства, дружеских связей и тому подобное, не желают, да и не умеют подчиняться. И это наблюдается уже дома, с детского возраста: избалованные роскошью, в которой они живут, они не обнаруживают привычки повиноваться даже в школах. Поведение людей второго типа из-за их крайней необеспеченности чрезвычайно униженное. Таким образом, одни не способны властвовать и умеют подчиняться только той власти, которая проявляется у господ над рабами; другие же не способны подчиняться никакой власти, а властвовать умеют только так, как властвуют господа над рабами. 6. Получается государство, состоящее из рабов и господ, а не из свободных людей, государство, где одни исполнены зависти, другие — презрения. А такого рода чувства очень далеки от чувства дружбы в политическом общении, которое должно заключать в себе дружественное начало. Упомянутые же нами люди не желают даже идти по одной дороге со своими противниками.

Государство более всего стремится к тому, чтобы все в нем были равны и одинаковы, а это свойственно преимущественно людям средним. Таким образом, если исходить из естественного, по нашему утверждению, состава государства, неизбежно следует, что государство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государ-

ственный строй. Эти граждане по преимуществу и остаются в государствах целыми и невредимыми. Они не

стремятся к чужому добру, как бедняки, а прочие не посягают на то, что этим принадлежит, подобно тому, как бедняки стремятся к имуществу богатых. И так как никто на них и они ни на кого не злоумышляют, то и жизнь их протекает в безопасности...

V. 1. Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководясь общественной пользой, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, в которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями. Ведь нужно признать одно из двух: либо люди, участвующие в государственном общении, не граждане, либо они все должны быть причастны к общей пользе. 2. Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более чем одного — аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит); а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства, — полития. 3. И такое разграничение оказывается логически правильным: один человек или немногие могут выделяться своей добродетелью, но преуспеть во всякой добродетели для большинства — дело уже трудное, хотя легче всего — в военной доблести, так как последняя встречается именно в народной массе. Вот почему в политике верховная власть сосредоточивается в руках воинов, которые вооружаются за собственный счет. 4. Отклонения от указанных устройств следующие: от царской власти — тирания, от аристократии — олигархия, от политии — демократия. Тирания — монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия — выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет...

2. Нетрудно усмотреть, что существует несколько видов царской власти а самый способ ее проявления в каждом данном случае не один

и тот же. Так, царская власть в лакедемонском государственном устройстве, по-видимому, основывается преимущественно на законе, но она не является верховной властью в полном смысле: царь — верховный вождь военных сил лишь в том случае, когда он выходит за пределы страны; сверх того, царям предоставлено ведать религиозным культом. Таким образом, эта царская власть является как бы некоей неограниченной и несменяемой стратегией; но право казнить царь имеет исключительно только во время похода... 3. Итак, вот один из видов царской власти — пожизненная стратегия. Она бывает либо наследственной, либо выборной. Наряду с ней встречается другой Вид монархии, примером которой может служить царская власть у некоторых варварских племен; она имеет то же значение, что и власть тираническая, но основывается она и на законе, и на праве наследования. Так как по своим природным свойствам варвары более склонны к тому, чтобы переносить рабство, нежели эллины, и азиатские варвары превосходят в этом отношении варваров, живущих в Европе, то они и подчиняются деспотической власти, не обнаруживая при этом никаких признаков неудовольствия. Вследствие указанных причин царская власть у варваров имеет характер тирании, но стоит она прочно, так как основой ее служит преемственность и закон.

5. Это два вида монархии. Другой вид, существовавший у древних эллинов, носит название эсимнетии. Она, так сказать, представляет собой выборную тиранию; отличается она от варварской монархии не тем, что основывается не на законе, а только тем, что не является наследственной. Одни обладали ею пожизненно, другие избирались на определенное время или для выполнения определенных поручений... Такие виды правления, с одной стороны, были и являются тираническими, как основанные деспотии, с другой стороны, относятся к видам царской власти, потому эсимнетов избирают, причем добровольно.

8. В древние времена цари управляли непосредственно всеми делами касающимися государства, руководили его внутренней и внешней политикой; впоследствии же, после того как от некоторых функций своей власти они отказались сами, а другие были отняты у них народом, в одних государствах за царями сохранилось только право жертвоприношений, в других — где все-таки может идти речь о царской власти — цари удержали за собой лишь право быть главнокомандующими за

пределами страны.

V. 10. Государство создается не ради того только, чтобы жить, но преимущественно для того, чтобы жить счастливо; в противном случае следовало бы допустить также и государство, состоящее из рабов или из животных, чего в действительности не бывает, так как ни те ни другие не составляют общества, стремящегося к благоденствию всех и строящего жизнь по своему предначертанию. Равным образом государство не возникает ради заключения союза в целях предотвращения возможности обид с чьей-либо стороны, также не ради взаимного торгового обмена и услуг; иначе этруски и карфагеняне и вообще все народы, объединенные заключенными между ними торговыми договорами, должны были бы считаться гражданами одного государства...

V. 13. ...Государство не есть общность местожительства, оно не создается в целях предотвращения взаимных обид или ради удобств обмена. Конечно, все эти условия должны быть налицо для существования государства, но даже и при наличии их всех, вместе взятых, еще не будет государства; оно появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни, в целях совершенного и самодовлеющего существования. 14. Такого рода общение, однако, может осуществиться лишь в том случае, если люди обитают в одной и той же местности и если они состоят между собой в эпигамии. По этой причине в государствах и возникли родственные союзы и фратрии, и жертвоприношения, и развлечения — ради совместной жизни. Все это основано на взаимной дружбе, потому что именно дружба есть необходимое условие совместной жизни. Таким образом, целью государства является благая жизнь, и все упомянутое создается ради этой цели; само же государство представляет собой общение родов и селений ради достижения совершенного самодовлеющего существования, которое, как мы утверждаем, состоит в счастливой и прекрасной жизни. Так что и государственное общение — так нужно думать — существует ради прекрасной деятельности, а не просто ради совместного жительства...

VII. VII. 2. Государство же есть общение подобных друг другу людей ради достижения возможно лучшей жизни.

X. 1. Всякое государство должно рассматриваться со стороны качества и количества. Под качеством я разумею свободу, богатство, об-

разованность, благородство происхождения; под количеством — численное превосходство массы населения. 2. Может случиться, что одна из частей, составляющих государство, будет обладать качественным преимуществом, а другая — количественным; так, например, люди безродные будут превосходить своей численностью людей благородного происхождения, либо неимущие будут превосходить богатых, однако это количественное превосходство не должно быть таким же большим, как качественное превосходство благородных и богатых. Приходится поэтому оба этих превосходства уравнивать...

Итак, вот четыре вида царской власти: во-первых, царская власть героических времен, основанная на добровольном подчинении ей граждан, но обладавшая ограниченными полномочиями, а именно: царь был военным предводителем, судьей и ведал религиозным культом; во-вторых, царская власть у варваров, наследственная и деспотическая по закону; в-третьих, так называемая эсимнетия — выборная тирания и, в-четвертых, царская власть в Лакедемоне, представляющая собой, в сущности, наследственную и пожизненную стратегию. Эти четыре вида различаются указанными выше свойствами. 2. Пятым видом царской власти будет тот, когда один человек является неограниченным владыкой над всем, точно так же как управляет общими делами то или иное племя или государство. Такого рода царская власть есть как бы власть домохозяйственная: подобно тому, как власть домохозяина является своего рода царской властью над домом, так точно эта всеобъемлющая царская власть есть, в сущности, домоправительство над одним или несколькими государствами и племенами.

Строго говоря, существует только два вида царской власти, подлежащих рассмотрению: этот последний вид и царская власть в Лакедемоне; остальные три вида в большинстве случаев занимают промежуточное положение между указанными: их полномочия, с одной стороны, меньше всеобъемлющей царской власти, с другой — превосходят власть лакедемонских царей. Таким образом, исследованию подлежат, собственно говоря, два следующих вопроса: один — полезно или не полезно для государств иметь у себя пожизненного стратега, и должен ли он происходить из определенного рода или быть выборным; другой — полезно или не полезно, чтобы один человек был неограниченным владыкой над всем?...

Х.7. Если правление нескольких людей, всех одинаково хороших, следует считать аристократией, а правление одного лица — царской властью, то аристократия оказалась бы для государства предпочтительнее царской власти, все равно, будет ли власть опираться на вооруженную силу или же обойдется без нее, лишь бы только оказалось возможным привлечь к правлению нескольких подобных людей. Может быть, в прежние времена люди управлялись царями именно вследствие того, что трудно было найти людей, отличающихся высокими нравственными качествами, тем более что тогда вообще государства были малонаселенными. Кроме того, царей ставили из-за оказанных ими благодеяний, а их оказывали хорошие мужи. А когда нашлось много людей, одинаково доблестных, то, отказавшись подчиняться власти одного человека, они стали изыскивать какой-нибудь общий вид правления и установили политию.

8. Когда же, поддаваясь нравственной порче, они стали обогащаться за счет общественного достояния, из политики естественным путем получались олигархии, ведь люди стали почитать богатство. Из олигархий же сначала возникли тирании, а затем из тираний — демократии: низменная страсть корыстолюбия правителей, постоянно побуждавшая их уменьшать свое число, повела к усилению народной массы, так что последняя обрушилась на них и установила демократию. А так как государства увеличились, то, пожалуй, теперь уже нелегко возникнуть другому государственному устройству, помимо демократии...

XI. 11. ...Прежде всего следует определить, что должно разуметь под началами монархическим, аристократическим и политическим. Монархическое начало предполагает для своего осуществления такую народную массу, которая по своей природе призвана к тому, чтобы отдать управление государством представителю какого-либо рода, выходящему над нею своей добродетелью. Аристократическое начало предполагает также народную массу, которая способна, не поступаясь своим достоинством свободнорожденных людей, отдать правление государством людям, призванным к тому благодаря их добродетели. Наконец, при осуществлении начала политики народная масса, будучи в состоянии и подчиняться и властвовать на основании закона, распределяет должности среди состоятельных людей в соответствии с их заслугами...

XII. 1. Из трех видов государственного устройства, какие мы признаем правильными, наилучшим, конечно, является тот, в котором управление сосредоточено в руках наилучших. Это будет иметь место в том случае, когда-либо кто-нибудь один из общей массы, либо целый род, либо вся народная масса будет иметь превосходство в добродетели, когда притом одни будут в состоянии повелевать, другие — подчиняться ради наиболее желательного существования...

IV. II.1. В нашем предыдущем рассуждении о видах государственного устройства мы распределили их так: три вида правильные — царская власть, аристократия, полиция — и три отклоняющиеся от них — тирания — от царской власти, олигархия — от аристократии, демократия — от полиции. 2. Ясно, какой из видов, отклоняющихся от правильных, является наихудшим и какой ближе всего к нему. Конечно, наихудшим видом будет тот, который оказывается отклонением от первоначального и самого божественного из всех видов государственного строя. Царская власть, если это не пустой звук, если она существует действительно, основывается на высоком превосходстве царствующего. Таким образом, тирания, как наихудший из видов государственного устройства, отстоит далее всего от самой его сущности; к ней непосредственно примыкает олигархия (аристократия далеко не то же, что олигархия); наиболее же умеренный из отклоняющихся видов — демократия.

IV. 2. Характерным отличием так называемого первого вида демократии служит равенство. Равенство же, гласит основной закон этой демократии, состоит в том, что ни неимущие, ни состоятельные не имеют ни в чем каких-либо преимуществ; верховная власть не сосредоточена в руках тех или других, но те и другие равны. Если, как полагают некоторые, свобода и равенство являются важнейшими признаками демократии, то это нашло бы свое осуществление главным образом в том, чтобы все непременно принимали участие в государственном управлении. А так как народ представляет в демократии большинство, постановления же большинства имеют решающее значение, то такого рода государственный строй и является демократическим. Итак, вот один вид демократии.

3. Другой ее вид — тот, при котором занятие должностей обусловлено хотя бы и невысоким, имущественным цензом. Обладающий

им должен получить доступ к занятию должностей, потерявший ценз лишается этого права. Третий вид демократии — тот, при котором все граждане, являющиеся бесспорно таковыми по своему происхождению, имеют право на занятие должностей, властвует же закон. Четвертый вид демократии — тот, при котором всякий, лишь бы он был гражданином, пользуется правом занимать должности, властвует же опять-таки закон. При пятом виде демократии все остальные условия те же, но верховная власть принадлежит не закону, а простому народу. 4. Это бывает в том случае, когда решающее значение будут иметь постановления народного собрания, а не закон. Достигается это через посредство демагогов. В тех демократических государствах, где решающее значение имеет закон, демагогам нет места, там на первом месте стоят лучшие граждане; но там, где верховная власть основана не на законах, появляются демагоги. Народ становится тогда единодержавным, как единица, составленная из многих: верховная власть принадлежит многим, не каждому в отдельности, но всем вместе. А какой вид многовластия имеет в виду Гомер, говоря, что многовластие — не благо, тот ли, который нами только что указан, или тот, когда власть сосредоточена в руках нескольких людей, причем каждый из них лично пользуется ею, остается неясным. 5. В этом случае простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию; поэтому и характер у них один и тот же: и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами; постановления такой демократии имеют то же значение, что в тирании распоряжения. Да и демагоги и льстецы, в сущности, одно и то же или во всяком случае схожи друг с другом; и те и другие имеют огромную силу — льстецы у тиранов, демагоги у описанной нами демократии. 6. Они повинны в том, что решающее значение предоставляется не законам, а постановлениям народа, так как демагоги отдают на его решение все. И выходит так, что демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они властвуют над его мнениями, так как народная масса находится у них в послушании. Сверх того, они, возводя обвинения на должностных лиц, говорят, что этих последних должен судить народ, а

он охотно принимает обвинения, так что значение всех должностных лиц сводится на нет. 7. По-видимому, такого рода демократии можно сделать вполне основательный упрек, что она не представляет собой государственного устройства: там, где отсутствует власть закона, нет и государственного устройства. Закон должен властвовать над всем; должностным же лицам и народному собранию следует предоставить обсуждение частных вопросов. Таким образом, если демократия есть один из видов государственного устройства, то, очевидно, такое состояние, при котором все управляется постановлениями народного собрания, не может быть признано демократией в собственном смысле, ибо никакое постановление не может иметь общего характера.

Вот так должны быть разграничены отдельные виды демократии... VI. Отличительный признак первого вида олигархии состоит в следующем: занятие должностей обусловлено необходимостью иметь столь значительный имущественный ценз, что неимущие, хотя они представляют большинство, не допускаются к должностям; последние доступны только тем, кто приобрел имущественный ценз. Другой вид олигархии — тот, когда доступ к должностям также обусловлен высоким имущественным цензом и когда люди, имеющие его, пополняют недостающих должностных лиц путем кооптации; если это производится из всех таких лиц, то такой строй, по-видимому, имеет аристократический оттенок; если же только из ограниченного числа, то олигархический. При третьем виде олигархии сын вступает в должность вместо отца. Четвертый вид — когда имеется налицо только что указанное условие и когда властвует не закон, а должностные лица; этот вид в олигархическом строе — то же, что в монархическом тиранния, а в демократическом — то, что мы называли крайним его видом. Такого рода олигархию называют династией.

9. Кроме демократии и олигархии есть еще два вида государственного устройства. Из них один все признают — да и у нас об этом сказано выше — одним из четырех видов государственного устройства. Эти четыре вида суть: монархия, олигархия, демократия и так называемая аристократия. Пятый вид государственного устройства носит название, служащее обозначением государственного устройства вообще, — его называют просто политией. Этот вид встречается не часто, поэтому его и упускают из виду те, кто ставит своей задачей перечис-

ление отдельных видов государственного устройства; в своем перечислении они, как и Платон, ограничиваются только четырьмя видами.

10. Аристократией с полным основанием можно назвать тот вид государственного устройства, о котором речь шла в предыдущем рассуждении. Именно: аристократией по справедливости можно признавать только тот вид государственного устройства, когда управляют мужи, безусловно наилучшие с точки зрения добродетели, а не те, кто доблестен при некоторых предпосылках; ведь только при этом виде государственного устройства хороший муж и хороший гражданин — одно и то же, тогда как при остальных хорошими бывают применительно к данному государственному строю. Однако существуют некоторые виды государственного устройства, отличающиеся от олигархических и от так называемой политики и именуемые аристократическими. Это такие виды, при которых избрание на должности обуславливается не только богатством, но и высокими нравственными качествами (*aristinden*). 11. Такой вид государственного устройства отличается от обоих и носит имя аристократии. Ибо и в тех государствах, которые вообще не предъявляют особенных требований к добродетели граждан, встречаются все-таки люди, пользующиеся доброй славой и слышущие людьми порядочными. Там, где государственное устройство считается и с богатством, и с добродетелью, и с народом, как, например, в Карфагене, это и есть аристократический строй; там, где принимаются в расчет только два из указанных условий, т.е. добродетель граждан и народ, как, например, в Лакедемонском государстве, получается смешение двух видов — демократического и основанного на добродетели. Таким образом, аристократическое устройство помимо его первого и наиболее совершенного вида имеет еще две указанные разновидности; третьей же являются те виды так называемой политики, которые больше склоняются к олигархии.

VI. 1. Нам остается сказать еще о так называемой политике и о тирании. Политию мы отнесли сюда, хотя она, равно как и только что упомянутые разновидности аристократии, не является отклонением. По правде сказать, все виды государственного устройства являются отклонениями от самого правильного из них, но последний обыкновенно помещают наряду с аристократическими видами; сравнительно с ним и с аристократией другие виды государственного устройства являются уже

отклонениями, как мы говорили в начале нашего рассуждения. Упоминать же о тирании в самом конце будет вполне разумно, потому что она менее всего соответствует представлению, соединяемому с государственным строем вообще. Наша же задача — исследование видов именно государственного строя. Обосновав предложенную нами классификацию, мы должны обратиться к рассмотрению политий.

2. Сущность ее станет более ясной, после того как определен характер олигархии и демократии. Говоря попросту, полития является как бы смешением олигархии и демократии. Те виды государственного строя, которые имеют уклон в сторону демократии, обычно называются политиями, а те, которые склоняются скорее в сторону олигархии, обыкновенно именуется аристократиями, потому что люди, имеющие больший имущественный достаток, чаще всего бывают и более образованными, и более благородного происхождения. Сверх того, представляется, что люди состоятельные уже имеют то, ради чего совершаются правонарушения; и уже одно это упрочивает за такими людьми название людей безукоризненных и знатных...

5. Так как в государственном строе три начала притязают на равную значимость — свобода, богатство, добродетель (четвертое — благородство происхождения — сопровождает два последних, ведь благородство есть старинная доблесть и богатство), то ясно, что политией следует называть такой государственный строй, при котором имеется смешение двух начал — состоятельных и неимущих, а смешение трех начал следует называть аристократией преимущественно перед другими видами государственного устройства, исключая лишь истинный и первый ее вид.

Мы сказали, что существуют и другие виды государственного устройства помимо монархии, демократии и олигархии, указали на их сущность и на то, чем отличаются один от другого виды аристократии и чем отличаются политии от аристократии; ясно, что полития и аристократия не далеки одна от другой...

VII. 13. Гражданином в общем смысле является тот, кто причастен и к властвованию и к подчинению; при каждом виде государственного устройства сущность гражданина меняется. При наилучшем виде государственного устройства гражданином оказывается тот, кто способен и желает подчиняться и властвовать, имея в виду жизнь, согласную

с требованиями добродетели...

VIII. 1. Нам осталось сказать еще о тирании... так как и тиранию мы считаем до известной степени одним из государственных устройств... 2. В той же части нашего исследования, где речь шла о царской власти, мы установили различие двух видов тирании, так как свойства их обеих до известной степени совпадают со свойствами царской власти: и та и другая покоятся на законном основании (у некоторых варварских племен избирают самодержцев — монархов, а в старину и у древних эллинов избирались такого же рода монархи, которые назывались эсимнетами). Упомянутые два вида тирании имеют некоторые отличия: с одной стороны, оба они были видами монархического строя, как основанные на законе и на добровольном признании их со стороны подданных; с другой стороны, это были виды тирании: так как власть в них осуществлялась деспотически, по произволу властителя. 3. Третий вид тирании — тирания по преимуществу — соответствует неограниченной монархии. Такого рода монархия, естественно, оказывается тиранией, так как в ней проявляется безответственная власть над всеми равными и лучшими и к выгоде ее самой, а не подданных. Поэтому такая тирания возникает вопреки желанию подданных: никто из свободных людей добровольно не выносит такого рода власти.

IX. 1. Какой же вид государственного устройства наилучший?...

Суждение обо всех поставленных вопросах основывается на одних и тех же исходных положениях. Если верно сказано в нашей «Этике», что ... добродетель есть середина, то нужно признать, что наилучшей жизнью будет именно средняя жизнь, такая, при которой середина может быть достигнута каждым. 3. Необходимо установить то же самое мерило как для добродетели, так и для порочности государства и его устройства: ведь устройство государства — это его жизнь.

В каждом государстве есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посередине между теми и другими. Так как, по общепринятому мнению, умеренность и середина — наилучшее, то, очевидно, и средний достаток из всех благ всего лучше...

8. ...Наилучшее государственное общение — то, которое достигается посредством средних, и те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большем количестве, где они — в лучшем слу-

чае — сильнее обеих крайностей или, по крайней мере, каждой из них в отдельности. Соединившись с той или другой крайностью, они обеспечивают равновесие и препятствуют перевесу противников. Поэтому величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, недостаточной; а в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием противоположных крайностей. Ведь тирания образуется как из чрезвычайно распушенной демократии, так и из олигархии, значительно реже — из средних видов государственного строя и тех, что сродни им.

ДРЕВНИЙ РИМ

Цицерон

Марк Туллий Цицерон (3 января 106 года до н. э., Арпинум, Римская республика — 7 декабря 43 года до н. э., Формии, Римская республика) — римский политический деятель республиканского периода, оратор, философ, учёный. Будучи выходцем из незнатной семьи, сделал благодаря своему ораторскому таланту блестящую карьеру: вошёл в сенат с 73 года до н. э. и стал консулом в 63 году до н. э. Сыграл ключевую роль в раскрытии и разгроме заговора Катилины. В дальнейшем, в условиях гражданских войн, оставался одним из самых выдающихся и самых последовательных сторонников сохранения республиканского строя. Был казнён членами второго триумvirата, стремившимися к неограниченной власти.

О законах

I. (V, 17). ...Мы должны разъяснить природу права, а ее следует искать в природе человека...

(VI, 18). Итак, ученейшие мужи признали нужным исходить из понятия закона и они, пожалуй, правы — при условии, что закон, как они же определяют его, есть заложенный в природе высший разум, велящий нам совершать то, что совершать следует, и запрещающий противоположное. Этот же разум, когда он укрепился в мыслях человека и усовершенствовался, и есть закон. (19) Поэтому принято считать, что мудрость есть закон, смысл которого в том, что он велит поступать

правильно, а совершать преступления запрещает. Полагают, что отсюда и греческое название «номос», так как закон «уделяет» каждому то, что каждому положено, а наше название «lex», по моему мнению, происходит от слова «legere» [выбирать]. Ибо, если греки вкладывают в понятие закона понятие справедливости, то мы вкладываем понятие выбора; но закону все же свойственно и то, и другое. Если эти рассуждения правильны (а лично я склонен думать, что, в общем, это верно), то возникновение права следует выводить из понятия закона. Ибо закон есть сила природы, он — ум и сознание мудрого человека, он — мерило права и бесправия. Но так как весь наш язык основан на представлениях народа, то нам время от времени придется говорить так, как говорит народ, и называть законом (как это делает чернь) те положения, которые в писаном виде определяют то, что находят нужным, — либо приказывая, либо запрещая.

Будем же при обосновании права исходить из того высшего закона, который, будучи общим для всех веков, возник раньше, чем какой бы то ни было писанный закон, вернее, раньше, чем какое-либо государство вообще было основано...

(20). ...Я буду искать корни права в природе, под водительством которой нам и следует развивать все наше рассуждение...

(X, 28). ...Из всего того, что обсуждают ученые люди, конечно, ничто не важно в такой степени, в какой важно полное понимание того, что мы рождены для справедливости и что не на мнении людей, а на природе основано право. Это сразу станет очевидным, если мы вникнем в сущность человеческого общества и связей между людьми...

(XII, 33). ...Природа создала нас для того, чтобы мы разделяли между собой всю совокупность прав и пользовались ими все сообща. ...Тем, кому природа даровала разум, она даровала и здравый разум. Следовательно, она им даровала и закон, который есть здравый разум — как в повелениях, так и в запретах. Если она им даровала закон, то она даровала и право; разум был дан всем. Значит, и право было тоже дано всем, и Сократ справедливо проклинал того, кто первый отделил пользу от права; право, жаловался он, — источник всяческих бед...

(XV, 42). Но вот что нелепее всего: думать, что все, значащееся в установлениях и законах народов, справедливо. И даже если некоторые законы изданы тиранами? Если бы тридцать афинских правителей по-

желали навязать свои законы, всем и если бы все афиняне радовались законам тиранов, то разве это было бы основанием для того, чтобы законы эти были признаны справедливыми? Я полагаю, — ничуть не более справедливыми, чем закон, проведенный нашим интеррексом и давший диктатору право казнить, по своему усмотрению, любого гражданина, назвав его по имени, даже без слушания дела в суде. Ибо существует лишь одно право, связывающее человеческое общество и установленное одним законом. Закон этот есть подлинное основание для того, чтобы приказывать и запрещать. Кто закона этого не знает; тот — человек несправедливый, независимо от того, писанный ли это закон или неписанный. Но если справедливость заключается в повиновении писанным законам и установлениям народов, и если, как утверждают все те же философы, следует все измерять выгодой, то этими законами пренебрежет и их, если сможет, нарушит всякий, кто сочтет, что это будет ему выгодно. Это учение приводит к тому, что, если справедливость не проистекает из природы, то ее вообще не существует, а та, которая устанавливается в расчете на выгоду, уничтожается из соображений выгоды для других. ...

(XVI). Если бы права устанавливались повелениями народов, решениями первенствующих людей, приговорами судей, то существовало бы право разбойничать, право прелюбодействовать, право предъявлять подложные завещания, — если бы права эти могли получать одобрение голосованием или решением толпы.

(44) Но если мнения и постановления глупцов столь могущественны, что их голосование может нарушить порядок в природе, то почему же они не определяют, что дурное и пагубное должно считаться благим и спасительным? Или, раз закон может создать право из бесправия, то почему этот же закон не может создать блага из зла? Однако, что касается нас, то мы можем отличить благой закон от дурного только на основании мерил, данного природой. Руководствуясь природой, отличают не только право от бесправия, но и вообще все честное от всего позорного...

(XVIII, 48). ...К праву и ко всему честному надо стремиться ради него самого. И в самом деле, все честные мужи ценят самое справедливость и право само по себе, и честному мужу не подобает заблуждаться и почитать то, что само по себе почитания не заслуживает. Итак, право

само по себе требует, чтобы к нему стремились и его ценили...

11 (V, 12). ...Закон непременно надо относить к числу величайших благ...

(13). А многие вредные, многие пагубные постановления народов? Ведь они заслуживают названия закона не больше, чем решения, с общего согласия принятые разбойниками. Нельзя же по справедливости назвать предписаниями врачей те смертоносные средства, которые, под видом спасительных, прописывают невежественные и неискушенные люди, а народ не должен называть законом любое, даже пагубное постановление, если народ таковое принял. Итак, закон есть решение, отличающее справедливое от несправедливого и выраженное в соответствии с древнейшим началом всего сущего — природой, с которой сообразуются человеческие законы, дурных людей карающие казнью и защищающие и оберегающие честных.

II. (VII, 15). Итак, пусть граждане будут с самого начала твердо убеждены в том, что над всем владычествуют и всем правят боги, что все совершается по их решению и воле, что они оказывают людям величайшие благодеяния и видят, каков каждый человек, что он делает, каковы его поступки, с какими мыслями, с каким благоговением чтит он обряды, и что они ведут счет и людям, исполняющим свой долг, и людям, не исполняющим его. (16) Умы, проникшиеся такими мыслями, конечно, не будут далеки от полезных и правильных решений.

III. (II, 5). ...Должна быть установлена не только для магистратов мера их власти, но и для граждан мера их повиновения. Ведь и тот, кто разумно повелевает, рано или поздно должен будет подчиняться, а тот, кто покорно подчиняется, достоин того, чтобы рано или поздно начать повелевать. ... И мы ... даже предписываем гражданам не только покоряться и повиноваться магистратам, но также и уважать и любить их...

(III, 6). Империй да будет законным; граждане да подчиняются империи покорно и беспрекословно.

О государстве

I. (XXV, 39). Государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в

вопросах права и общностью интересов. Первой причиной для такого соединения людей является не столько их слабость, сколько, так сказать, врожденная потребность жить вместе. Ибо человек не склонен к обособленному существованию и уединенному скитанию, но создан для того, чтобы даже при изобилии всего необходимого не... [удаляться от подобных себе.]

(40) Что такое государство, как не достояние народа? Итак, достояние общее, достояние, во всяком случае, гражданской общины. Но что такое гражданская община, как не множество людей, связанных согласием? У римских авторов мы читаем: «Вскоре множество людей, рассеявшихся по земле и скитавшихся по ней, благодаря согласию превратилось в гражданскую общину (Августин, Послания, 138, 10).

Усматривали не единственную причину для закладки города. Одни говорят, что люди, первоначально происшедшие из земли, блуждая по лесам и полям, не будучи связаны друг с другом ни речью, ни правом и пользуясь ветками и травой как ложем, а пещерами и ямами — как домами, оказывались добычей диких зверей и более сильных животных; затем, что те люди, которые спаслись, хотя и получили ранения, и видели, как их близкие были растерзаны зверями, присоединились, поняв грозившую им опасность, к другим людям и молили их о защите; вначале они объяснялись знаками, затем стали делать первые попытки говорить; потом они, давая названия тем или иным отдельным вещам, понемногу усовершенствовались в своей речи. Видя, что им не защитить народа от диких зверей, они начали даже строить города, дабы обеспечить себе покой ночью и отвращать нападения диких зверей, не

(XXVI, 41) ... [Ибо, не будь у человека], так сказать, семян [справедливости], не возникло бы ни других доблестей, ни самого государства. Итак, эти объединения людей, образовавшиеся по причине, о которой я уже говорил, прежде всего, выбрали для себя в определенной местности участок земли, чтобы жить на нем. Используя естественную защиту и оградив его также и искусственно, они назвали такую совокупность жилищ укреплением, или городом, устроили в нем святилища и общественные места.

(XXVI, 41). ... Итак, всякий народ, представляющий собой такое объединение многих людей, какое я описал, всякая гражданская общи-

на, являющаяся народным установлением, всякое государство, которое, как я сказал, есть народное достояние, должны, чтобы быть долговечными, управляться, так сказать, советом, а совет этот должен исходить, прежде всего из той причины, которая породила гражданскую общину. Далее, осуществление их следует поручать либо одному человеку, либо нескольким выборным или же его должно на себя брать множество людей, то есть все граждане. И вот, когда верховная власть находится в руках у одного человека, мы называем этого одного царем, а такое государственное устройство — царской властью. Когда она находится в руках у выборных, то говорят, что эта гражданская община управляется волей оптиматов. Народной же (ведь ее так и называют) является такая община, в которой все находится в руках народа. И каждый из трех видов государства — если только сохраняется та связь, которая впервые накрепко объединила людей ввиду их общего участия в создании государства, — правда, не совершенен и, по моему мнению, не наилучший, но он все же терпим, хотя один из них может быть лучше другого. Ибо положение и справедливого и мудрого царя, и избранных, то есть первенствующих граждан, и даже народа (впрочем, последнее менее всего заслуживает одобрения) все же, — если только этому не препятствуют несправедливые поступки или страсти, — по-видимому, может быть вполне прочным.

(XXVII, 43). Но при царской власти все прочие люди совсем отстранены от общего для всех законодательства и принятия решений, да и при господстве оптиматов народ едва ли может пользоваться свободой, будучи лишен какого бы то ни было участия в совместных совещаниях и во власти, а когда¹ все вершится по воле народа, то, как бы справедлив и умерен он ни был, все-таки само равенство это не справедливо, раз при нем нет ступеней в общественном положении. ...

(XXVIII, 44). ...Каждый из этих видов государственного устройства обладает пороками... ибо из указанных видов устройства нет ни одного, при котором государство не стремилось бы по обрывистому и скользкому пути к тому или иному несчастью, находящемуся невдалеке от него...

(XXIX, 45). .. [государственное устройство] наихудшее, и из этой [формы правления] обыкновенно возникает правление оптиматов, или тиранической клики, или царское, или (даже весьма часто) народное и

опять-таки из него — один из видов правления, упомянутых мною ранее, и изумительны бывают круги и как бы круговороты перемен и чередований событий в государстве. Если знать их — дело мудрого, то предвидеть их угрозу, находясь у кормила государства, направляя его бег и удерживая его в своей власти, — дело, так сказать, великого гражданина и, пожалуй, богами вдохновленного мужа. Поэтому я и считаю заслуживающим наибольшего одобрения, так сказать, четвертый вид государственного устройства, так как он образован путем равномерного смешения трех его видов, названных мною ранее...

(XXXV, 54). ...Ни одного из них самого по себе, взятого в отдельности, я не одобряю и предпочитаю каждому из них то, что как бы сплавлено из них всех, взятых вместе. Но если бы понадобилось выбрать какой-нибудь один строй в чистом виде, то я одобрил бы царскую власть [и поставил бы ее на первое место.] [Если говорить о видах власти,] названных здесь, то имя царя напоминает мне как бы имя отца, заботящегося о согражданах, как о своих детях... Но вот встают оптиматы, чтобы заявить, что они делают это же самое лучше, и сказать, что мудрости будет во многих больше, чем в одном, а справедливость и честность та же. А народ, оглушая вас, кричит, что он не согласен повиноваться ни одному, ни немногим, что даже для зверей нет ничего сладостнее свободы, и что ее лишены все те, кто находится в рабстве, независимо от того, чьи они рабы — царя или оптиматов. Так благоволением своим нас привлекают к себе цари, мудростью — оптиматы, свободой — народы, так что при сравнении трудно выбрать, чего можно желать больше всего...

(XLII, 65). Когда я выскажу свое мнение о том виде государственного устройства, который считаю наилучшим, мне вообще придется поговорить подробнее и о переменах в государстве, хотя в таком государстве они, по моему мнению, произойдут далеко не легко. Но при царском образе правления первая и самая неизбежная перемена следующая: когда царь начинает быть несправедлив, этот государственный строй тотчас же рушится, а этот же правитель становится тираном; это наихудший вид государственного устройства и в то же время близкий к наилучшему; если его ниспровергают оптиматы, как обыкновенно и случается, то государство получает второй из названных трех видов устройства; это — вид, уподобляющийся царской власти, то есть со-

ставленный из «отцов» совет первенствующих людей, заботящихся о благе народа. Если же народ своей рукой убьет или изгонит тирана, то он бывает несколько умерен только до той поры, пока владеет своими чувствами и умом, радуется своему деянию и хочет защитить им же установленный государственный строй. Но если народ применил насилие к справедливому царю или лишил его царской власти, или даже (это бывает еще чаще) отведал крови оптиматов и подчинил своему произволу все государство (не думай, ... что найдется море или пламя, успокоить которое, при всей его мощности, труднее, чем усмирить толпу, не знающую удержу, ввиду непривычного для нее положения), тогда и происходит то, что так ярко, изобразил Платон...

(XLIV, 68). ... Если ... тиранов, как это часто бывает, свергают лучшие люди, то государство возрождается; но если это совершают люди дерзкой отваги, то возникает хорошо нам известное правление клики, другой род тиранов, и такая же клика часто возникает из превосходного правления оптиматов, когда какие-нибудь пороки отвлекают самих первенствующих людей от их пути. Таким образом, государственную власть, словно мяч, выхватывают тираны у царей, у самих тиранов — первенствующие люди или народ, а у народа — клика или тираны, и государственное устройство в течение более или менее долгого времени никогда не сохраняется в одном и том же положении.

(XLV, 69). Ввиду всего этого из трех указанных вначале видов государственного устройства, по моему мнению, самым лучшим является царская власть, но самое царскую власть превзойдет такая, которая будет образована путем равномерного смешения трех наилучших видов государственного устройства. Ибо желательно, чтобы в государстве было нечто выдающееся и царственное, чтобы одна часть власти была уделена и вручена авторитету первенствующих людей, а некоторые дела были предоставлены суждению и воле народа. Такому устройству, прежде всего, свойственно, так сказать, [великое] равенство, без которого свободные люди едва ли могут долго обходиться, затем — прочность, так как виды государственного устройства, упомянутые выше, легко превращаются в свою порочную противоположность, — вследствие чего царь оказывается властелином, оптиматы кликой, народ изменчивой толпой, — и так как эти самые виды государственного устройства часто сменяются новыми, тогда как при этом объединенном

и разумно смешанном государственном устройстве этого не случается почти никогда, разве только при большой порочности первенствующих людей. И действительно, нет причины для перемен там, где положение каждого прочно и ему некуда сорваться и свалиться ...

II. (XXXIII, 57) ...Если в государстве нет равномерного распределения прав, обязанностей и полномочий — с тем, чтобы достаточно власти было у магистратов, достаточно влияния у совета первенствующих людей и достаточно свободы у народа, то этот государственный строй не может сохраниться неизменным...

III. (XXII, 33). Истинный закон — это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное, которое призывает к исполнению долга, приказывая; запрещая, от преступления отпугивает; оно, однако, ничего, когда это не нужно, не приказывает честным людям и не запрещает им и не воздействует на бесчестных, приказывая им что-либо или запрещая. Предлагать полную или частичную отмену такого закона — кощунство; сколько-нибудь ограничивать его действие не дозволено; отменить его полностью невозможно, и мы ни постановлением сената, ни постановлением народа освободиться от этого закона не можем...; нет, на все народы в любое время будет распространяться один извечный и неизменный закон, причем будет один общий как бы наставник и повелитель всех людей — бог, создатель, судья, автор закона. Кто не покорится ему, тот будет беглецом от самого себя и, презрев человеческую природу, тем самым понесет величайшую кару, хотя и избегнет других мучений, которые таковыми считаются...

(XXXII, 44). ...Такое государство, которое полностью находится во власти клики, не может, по справедливости, называться государством. ...

В самом деле, где же было «достояние» афинян тогда, когда после великой пелопоннесской войны этим городом совершенно незаконно правили тридцать мужей? Разве древняя слава городской общины, или прекрасный внешний вид города, или театр, гимназии, портики, или прославленные Пропилеи, или крепость, или изумительные творения Фидия, или величественный Пирей делали Афины государством? ...

(XXXIII, 45). Перехожу теперь к третьему виду государства, при рассмотрении которого, пожалуй, возникнут затруднения. Когда народ,

как говорят, вершит всем и в его власти находится все, когда толпа обрекает на казнь всякого, кого захочет, когда людей подвергают гонениям, когда грабят, захватывают, расточают все, что только захотят, то [можно] ли ... и тогда отрицать, что это есть государство, раз все принадлежит народу, так как мы условились считать, что государство есть «достояние народа»? ...

Ни одному государству не откажу я в этом названии с такой легкостью, как именно этому, в котором все целиком находится в полной власти толпы. Ибо, если мы признали, что государства не существовало ни в Сиракузах, ни в Агригенте, ни в Афинах, когда там правили тираны, ни здесь, когда у нас были децемвиры, то я не понимаю, почему понятие государства более применимо к владычеству толпы; ибо, во-первых, для меня народом является только такой, которого удерживает вместе согласие относительно прав, ... но такое собрание людей ... есть тиран в такой же мере, как если бы им был один человек, и это даже еще более отвратительный тиран, так как нет более свирепого зверя, чем тот, который подражает внешнему виду народа и принимает его имя. И совсем не правильно, чтобы — в то время как имущество помещанных людей, по законам, находится во власти их родичей, так как... [они не могут распоряжаться им, — неразумной толпе была дана возможность распоряжаться «достоянием народа».]

Полибий

Полибий (ок. 200 до н. э., Мегалополь, Аркадия — ок. 120 до н. э., там же) — древнегреческий историк, государственный деятель и военачальник, автор «Всеобщей истории» («Истории») в 40 томах^[1], охватывающих события в Риме, Греции, Македонии, Малой Азии и в других регионах с 220 до н. э. по 146 до н.э. Из книг «Истории» полностью сохранились только первые 5, остальные дошли в более или менее подробных изложениях.

Всеобщая история в сорока книгах

Большинство писателей ... различают три формы государственного устройства, из коих одна именуется царством, другая аристократией, третья демократией. Мне кажется, всякий в полном праве спросить их, считают ли они эти формы вообще единственными, или же только наилучшими. Но и в том, и в другом случае они, как я полагаю, заблуж-

даются, ибо, несомненно совершеннейшей государственной формой надлежит признавать такую, в которой соединяются особенности всех форм, поименованных выше. Подтверждается это не соображениями только, но и самим опытом, ибо Ликург первый построил государство лакедемонян именно по такому способу. Равным образом нельзя считать эти формы и единственными [Книга VI, 3,5-12]...

Справедливость сказанного подтверждается следующим: не всякое единовластие может быть без оговорок названо царством, но такое только, в котором управляемые уступают власть по доброй воле и в котором властвует не столько страх или сила, сколько рассудок. Аристократией надлежит признавать не каждое правление меньшинства, но такое только, при котором правящими людьми бывают справедливейшие и рассудительнейшие по выбору. Подобно этому нельзя называть демократией государство, в котором вся народная масса имеет власть делать все, что бы ни пожелала и ни вздумала. Напротив, демократией должно почитать такое государство, в котором исконным обычаем установлено почитать богов, лелеять родителей, чтить старших, повиноваться законам, если при том решающая сила принадлежит постановлениям народного большинства. Таким образом, следует признавать шесть форм государственного устройства, три из которых поименованные выше, у всех на устах, а остальные три общего происхождения: первыми, я разумею монархию, олигархию, охлократию. Прежде всего, возникает единовластие без всякого плана, само собой; за ним следует и наш него образуется посредством упорядочения и исправления царство. Когда царское управление переходит в соответствующую ему по природе извращенную форму, то есть в тиранию, тогда, в свою очередь, на развалинах этой последней вырастает аристократия. Когда затем и аристократия вырождается по закону природы в олигархию и разгневанный народ выместит обиды правителей, тогда нарождается демократия. Необузданность народной массы и пренебрежение к законам порождает с течением времени охлократию [Книга VI, 4, 1—13]

Итак, что я считаю началом государственного общежития и откуда, по моему мнению, оно зарождается впервые? ...Наиболее сильные непременно бывают вожаками. Вот почему порядок этот надлежит признавать непререкаемым делом самой природы. Таковым следует представлять себе и первоначальное существование людей, именно: наподобие

бие животных они собирались вместе и покорялись наиболее отважным и мощным из своей среды; меру власти этих последних составляла сила, а самое управление может быть названо единовластием (монархией). Когда со временем в этих сообществах образовались товарищеские прочные связи, тогда началось царское управление. [VI, 5, 4—10]

... Когда лицо, стоящее во главе сообщества и в своих руках держащее верховную власть, всегда в согласии с народным настроением ... воздаст каждому по заслугам, тогда подданные покоряются уже не столько из боязни насилия, сколько по велению рассудка, содействуют ему в сохранении власти, как бы стар он ни был, единодушно помогают ему и непрестанно борются с людьми, злоумышляющими против его владычества. Примерно таким-то способом самодержец незаметно превращается в царя с того времени, как царство рассудка сменяет собой господство отваги и силы [VI, 5, 10—12]

... Цари не подвергались ни злословию, ни зависти, так как большой разницы между ними и остальным народом ни в одежде, ни в пище и питье не было, по образу жизни цари походили на прочих людей и всегда поддерживали общение с народом. Но когда они стали получать власть по наследству и в силу своего происхождения, когда заранее у них были готовы средства безопасности, равно как и жизненные припасы в чрезмерном количестве, тогда вследствие избытка они предавались страстям и решили, что правителям надлежит отличаться от подданных необыкновенным одеянием, что они должны иметь более изысканный стол и лучшую обстановку, что, наконец, половыми отношениями и любовным сожителем они могут пользоваться невозбранно, хотя бы и сверх меры. Одни из этих поступков породили в людях зависть и недовольство, другие воспламенили ненависть и неукротимую ярость, вследствие чего царство превратилось в тиранию, положено начало упадка власти, и начались козни против властелинов. Козни исходили не от худших граждан, но от благороднейших, гордых и отважнейших, ибо подобные люди были наименее способны переносить излишества правителей. [VI, 7, 5-8]

Когда народ нашел себе вождей и по причинам, выясненным выше, стал оказывать им сильную поддержку против властелинов, тогда была совершенно упразднена форма царского и самодержавного управления и вместе с тем получила начало и возникла аристократия. Тут же

народ как бы в благодарность за ниспровержение самодержцев призвал виновников переворота к управлению и предоставлял им власть над собой. Правители в свою очередь на первых порах довольны были предоставленным им положением, во всех своих действиях выше всего ставили общее благо, все дела как частные, так и общенародные направляли заботливо и предусмотрительно. И опять, когда такую власть по наследству от отцов получили сыновья, не испытавшие несчастий, совершенно незнакомые с требованиями общественного равенства и свободы, с самого начала воспитанные под сенью власти и почестей родителей, тогда одни из таких правителей отдавались корыстолюбию и незаконному стяжанию, другие предавались пьянству и сопутствующему ему ненасытному обжорству, третьи насильствовали женщин и похищали мальчиков, и таким-то образом извратили аристократию в олигархию. Они же вскоре возбудили в толпе настроение, подобное только что описанному; поэтому и для них переворот кончился столь же бедственно, как и для тиранов. И в самом деле, если кто, заметивши вражду и ненависть, питаемые гражданами против таких правителей, отваживается что-либо говорить против них или делать, во всем народе он находит готовность к поддержке [VI, 8, 1—6, 9,]

Вслед за сим по умерщвлении одних и изгнании других граждане не решаются поставить себе царя, потому что боятся еще беззаконий прежних царей, не отваживаются также доверить государство нескольким личностям, потому что перед ними встает безрассудство недавних правителей. Единственная не обманутая надежда, какая остается у граждан, это — на самих себя; к ней-то они и обращаются, изменяя олигархию в демократию и на самих себя возлагая заботы о государстве и охрану его. Пока остаются в живых граждане, испытавшие на себе наглость и насилие, до тех пор сохраняется довольство установившимся строем, и очень высоко ценятся равенство и свобода. Но когда народится новое поколение и демократия от детей перейдет к внукам, тогда люди, свыкшись с этими благами, перестают уже дорожить равенством и свободой и жаждут преобладания над большинством; склонны к этому в особенности люди, выдающиеся богатством. Когда вслед за сим в погоне за властью они оказываются бессильными достигнуть ее своими способностями и личными заслугами, они растрачивают состояние с целью обольстить и соблазнить толпу каким бы то ни было способом.

Лишь только вследствие безумного тщеславия их народ делается жадным к подачкам, демократия разрушается и в свою очередь переходит в беззаконие и господство силы. Дело в том, что толпа, привыкши кормиться чужим и в получении средств к жизни рассчитывать на чужое состояние, выбирает себе в вожди отважного честолюбца, а сама вследствие бедности устраняется от должностей. Тогда водворяется господство силы, а собирающаяся вокруг вождя толпа совершает убийства, изгнания, переделы земли, пока не одичает совершенно и снова не обретет себе властителя и самодержца.

Таков круговорот государственного общежития, таков порядок природы, согласно коему формы правления меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются. Правда, при всей ясности понимания этого предмета возможно ошибиться во времени, когда речь заходит о будущей судьбе государственного устройства; однако при незлобivosti и беспристрастии суждения редко можно ошибиться относительно того, когда государственное устройство достигает наивысшего развития или когда приходит к упадку, или же когда превращается в другую форму правления. [VI, 9, 2—11; с. 14]

... Каждому государственному устройству присуще от природы и сопутствует ему то или другое извращение: царству сопутствует так называемое самодержавие, аристократии — олигархия, а демократии — необузданное господство силы. В эти-то формы с течением времени неизбежно переходят поименованные выше государственные устройства, как мы только что разъяснили. Ликург предусмотрел это и потому установил форму правления не простую и не единообразную, но соединил в ней вместе все преимущества наилучших форм правления, дабы ни одна из них не развивалась сверх меры и через то не извращалась в родственную ей обратную форму, дабы все они сдерживались в проявлении свойств взаимным противодействием и ни одна не тянула бы в свою сторону, не перевешивала бы прочих, дабы таким образом государство неизменно пребывало в состоянии равномерного колебания и равновесия, наподобие идущего против ветра корабля...

Итак, Ликург путем соображений выяснил себе, откуда и каким образом происходят обыкновенно всякие перемены, и установил описанную выше безупречную форму правления. В устройении родного государства римляне поставили себе ту же самую цель, только достигали

ее не путем рассуждений, но многочисленными войнами и трудами, причем полезное познавали и усваивали себе каждый раз в самых превратностях судьбы. Этим способом они достигли той же цели, что и Ликург, и дали своему государству наилучшее в наше время устройство. [VI, 10, 4—13; с. 16].

... В государстве римлян были все три власти, поименованные мной выше, причем все было распределено между отдельными властями и при помощи их устроено столь равномерно и правильно, что никто даже из туземцев не мог бы решить, аристократическое ли было все управление в совокупности, или демократическое, или монархическое. Да это и понятно. В самом деле: если мы сосредоточим внимание на власти консулов, государство покажется вполне монархическим и царским, если на сенате — аристократическим, если, наконец, кто-либо примет во внимание только положение народа, он, наверное, признает римское государство демократией. [VI, 11, 11—13; с. 18]

Хотя каждая власть имеет полную возможность и вредить другой, и помогать, однако во всех положениях они обнаруживают подобающее единодушие, и потому нельзя было бы указать лучшего государственного устройства. В самом деле, когда какая-либо угрожающая извне общая опасность побуждает их к единодушию и взаимопомощи, государство обыкновенно оказывается столь могущественным и деятельным, что никакие нужды не остаются без удовлетворения. ...Если бы какая-либо власть возомнила о себе не в меру, стала притязательной и присвоила бы себе неподобающее значение, ... то чрезмерное усиление одной из властей и превознесение над прочими оказались бы совершенно невозможными [VI, 18, 1—8; с. 24].

Хрестоматия по истории политических и правовых учений.

Часть 1. Политико-правовая мысль Древнего мира

Составитель:

Будцын Игорь Валерьевич

Рекомендовано методической комиссией института экономики и предпринимательства для студентов ННГУ, обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция».

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского».
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.

